

Французские поэты
Гитэон

Избранное

в переводах Арго

A decorative oval frame with a spiral flourish on the right side, containing the text.

Французские поэты

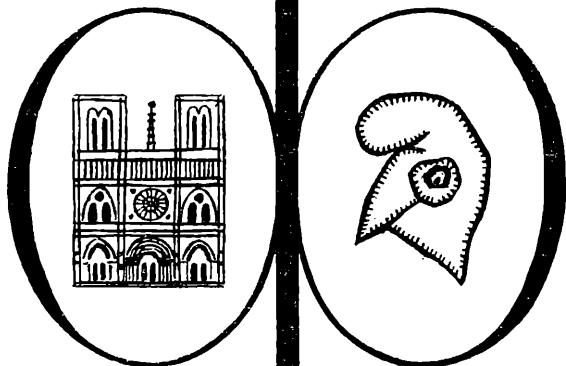

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Москва

1967

из переводов Арга

Французские
поэты

*

избранное

И (Фр)

Ф 84

Художник
Ю. БОЯРСКИЙ

7—4—4

201—68

Виктор Гюго

1802•1885

Из книги «Искусство быть дедом»

1877

ИЗГНАННИКУ НЕ НУЖНО НИЧЕГО

Покой и тишина! Ни шороха, ни слова!
Душа утешена, спокойна и сурова!
Вот я в глухом лесу, выслеживая тень,
Вхожу разведчиком под лиственную сень.
Густыми сетками мир будто занавешен,
И к радости моей какой-то страх примешан,
Такой покой сравнить лишь только с гробовым...
Но нет! Зачем? Я чувствую себя живым
И в этом сумраке, в священном этом склепе
Вдыхаю жизнь во всем ее великолепии!
Ведь меньше человек не станет оттого,
Что он промерил глубь сознания своего!
Мир с высоты видней, издали понятней!
И здесь я чувствую сильнее и благодатней,
Как возрождается моя живая мысль,
Как крепнет, ширится и улетает ввысь!
В пустыню уходя, я света не бросаю!

Тот, перед чьей мечтой раскрыта даль лесная,
Кто смотрит на прибой с отвесной крутизны
И счет ведет часам вечерней тишины,
Не чувствует себя оторванным от жизни!
Кто видел так, как я, людей в своей отчизне,
Тот должен скрыться в тень, в густую тень дерев,
Чтоб жажда истины, чтоб справедливый гнев
Сумели разрастись среди девственной чащобы
В душе, постигнувшей так много черной злобы!
Так отдал братьям я все сердце. Издали
Смотрю теперь, куда их судьбы привели,
И чаша до краев полна передо мною
Обидой, горечью и мукою людскою.
Я осушил ее и наполняю вновь...
Мне этот темный лес защита и покров!

Мне наблюдать пришлось все виды униженья,
Я видел, как плюют в достойных уваженья,
И видел я воров, наживших капитал,
Шутов, которые пролезли в трибунал,
Попов, что могут *за* и *против* проповедать...
Так много мерзости мне довелось изведать,
Такую в правде ложь, в добре такое зло,
Когда ничтожество само на трон взошло,
Так было все кругом и гнило и преступно,
Что радость лишь одна мне, старику, доступна:
С заветной думою в глухом лесу стоять.
И если бы сейчас господня благодать
Мне предложила все, утраченное мною,—
И силу и любовь со славою земною,
Мне слишком по душе мой девственный покой:
Я отказался бы от радости такой.

VICTOR SED VICTUS¹

Я был непримирим. Во дни лихих годин
На многих деспотов я шел войной один,
Я вызов свой бросал содомской гнусной рати;
Валы морских глубин, валы людских проклятий
Рычали на меня — но я не уступал,
И видел под собой я не один провал;
Я объявлял войну бурлящему прибою,
И я склонял главу пред силой роковою
Не больше, чем скала под натиском волны;
Я не из тех, кому предчувствия страшны,
Кто, полны ужаса пред смертью беспощадной,
Боятся глянуть в пасть пещеры непроглядной.
Когда в меня метал презрительный тиран
Гром гнева черного и молнии таран,
Я отвечать умел зловещим проходимцам —
Преступным королям и гнусным их любимцам.
Ложь всех религий, всех идеологий ложь,

¹ Побежденный победитель (лат.).

Трон императора, и эшафота нож,
И меч наемника, и скиптр самодержавья —
Все это делал я добычею бесславья,
И каждый великан — будь то король иль князь —
Мной не единожды ниспровергался в грязь!
Со всем, чему кадят, пред чем склоняют выи,
Со всеми, кто в миру вершит судьбы мирские,
Я дрался сорок лет, с опасностью шутя!
И кто же, кто теперь меня сразил? — Дитя!

* * *

Порой я думаю о мире с омерзеньем,
Стих из меня идет кипящим изверженьем;
Я чувствую себя
Тем деревом, что смерч из почвы вырывает;
Жжет сердце мне огонь, и камнем застывает
Душа моя, скорбя!

Где правда? Наша честь насилием разбита,
В нарядах женщины, в сутане иезуита —
Одно и то же зло;
Закон пьет нашу кровь, алтарь благословенье
Дает преступникам, а истина в смятенье
Потушила чело.

Зловещий свет корон над нами полыхает;
Храм как крошечный ад; блеск празднеств затмевает
Небес голубизну.
Среди бурлящих волн душа челну подобна,
И все религии впотьмах принять способны
За бога сатану!

Ужели же слова засохли и погибли,
Что всех коранов ложь и выдумки всех библий
Могли б разоблачить?
О, если бы мой стих, и бешен и неистов,
Строфой железной мог испепелить софистов,
Тиранов раздавить!

В душе моей бурлит клокочущее пламя,
И стаи черных туч шуршащими крылами
Мне застят небосклон.
Я чую смерть и гниль! Везде — ее угрозу!
Повсюду зло царит! Но вот я вижу розу —
Я умиротворен...

Она задумчиво в густой траве сидела...

Я подошел:

— Скажи, чего бы ты хотела? —

Признаюсь, для меня закона нет святей,

Чем выполнение ее любых затей.

Я рад угадывать все, что ей будет мило.

— Мне хочется зверей, — она проговорила;

Я ей в ответ:

— Взгляни, вот славный муравей! —

Но муравей, увы, был явно не по ней.

— Больших зверей! — она сказала.

Их мечтанья

Огромны. Гневный шум прибоя, волн метанье

Баюкают своим зловещим пеньем их,

Им услаждает слух порыв ветров морских;

То, что приводит в страх, для них всего милее,

И я ей говорю:

— Слона я не имею,

Другое что-нибудь — я все тебе отдам...—

Тут Жанна подняла свой пальчик к небесам:

— Вот это! —

Там, вдали, на горизонте низком
Огромная луна вставала алым диском.

ЖАННА СПИТ

Спит Жанна мирным сном до утренних лучей,
Сжимая палец мой ручонкою своей!
Я берегу ее и между тем читаю
Благочестивые журналы, где от края
До края мне грозят, где говорят о том,
Чтобы немедленно отправить в желтый дом
Читателей моих, где некто со слезами
Зовет желающих побить меня камнями;
Писания мои — сосуд с кромешным злом,
В них сотни черных змей переплелись узлом;
Тот говорит, что я из ада мог явиться;
Тот зрит антихриста во мне, а тот боится,
Как бы в глухом лесу не встретиться со мной,
Тот мне подносит яд. «Пей!» — мне кричит другой.
Я разорил весь Лувр, я учинял расстрелы,
Я нищих подбивал на хищные разделы,
Парижским заревом горит мое чело,
Я гнусен, мерзок, зол, но, коль на то пошло,
Я мог бы стать иным необычайно быстро,

Когда б тиран меня пожаловал в министры!
Я отравитель! Я убийца! Мелкий вор! —
Так оглушительный жужжит мне в уши хор,
Неукоснительно грозя мне казнью лютой...
А Жанна между тем спокойно спит, как будто
Без слов мне говорит: «Будь весел, не робей!» —
И руку жмет мою ручонкою своей!

ПЕСНЯ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

Не бойся. Засни. Я на страже с великой любовью,
Уже над тобою склоняются добрые гении.
Я здесь. Не посмеют припасть к твоему изголовью
Дурные видения.

Когда ты сжимаешь мне руку своими руками,
Пусть яростный ветер нежнейшею сменится скрипкою,
Пусть темная ночь над твоими безгрешными снами
Зардеет улыбкою.

Поэт не одну охраняет, а все колыбели,
Как будто все дети в одну эту комнату созданы.
Он любит их всех, и его задушевные трели
Цветут, словно розы!

По светлым лужайкам пройдет он апрелем веселым,
Он маем цветущим за посвистом птичьим увяжется.
И голос так сладок его, что разборчивым пчелам
Он медом покажется.

Он любит душой эти гнезда из кружев и шелка,
Они ему дороги, чистенькие и уютные,
С утра в них и до ночи слышится смех без умолка
И слезки минутные.

Он благословляет тот смех, те улыбки, те игры...
Но если тираны с холопами низкопоклонными
На нас нападут, если глянут кровавые тигры
Зрачками зелеными,

И если Берлином, иль Веной, иль курией Рима
Для нас западня или новая бойня готовится,
Тогда... О, одна эта мысль для него нестерпима,
Он страшен становится!

Он видит тончайшую сеть паутины Лойолы
И коршуна Бисмарка когти железные точащим,
И стих его яростным делается, и тяжелым,
И грозно грохочущим!

Все сказано. Хватит с нас песенок. Песня свободы
О праве народов, о битве с тиранскою кликою
Пусть грянет, как гром оживляющей нас непогоды,
Грозою великою.

Он кличет: «О Франция, где твоя сила былая?!
Свобода!» — И вот человек во весь рост поднимается,
И сила святая, небесным огнем полыхая,
Зарей занимается!

И мысль его, в небе сверкая, как дивное знамя,
Как парус мелькая над пенными водными кручами,
Плывет, заполняя безмерность пространства крылами
Своими могучими.

* * *

На хлебе и воде сидела под замком
Недавно Жанна. Я осмелился закон
Нарушить, посетил преступное творенье
И даже преподнес ей блюдечко варенья,
Чем вызвал в тот же миг отчаянный протест
У всех блюстителей закона здешних мест.
Все возмущались, а Жанна мне клянется,
Что пальцем к носику уже не прикоснется
И кошку запрягать не станет ни за что!
— Она,— вскричали все,— вас знает, как никто,
И то, в чем вы сильны и в чем слабы, подавно,
Все то, что сердит всех, вам попросту забавно!
Повиновенья нет! Опоры никакой!
Вы нарушаете порядок и покой!
Ни удержу она не знает, ни запрета,
Вы так испортите ее! —

В ответ на это

Я кротко говорю:

— Я виноват, увы!

Все попустители бывали таковы
И приносили вред любимому народу,
Я должен быть на хлеб посажен и на воду!
— И надо, надо вас упрятать под замок!
На хлеб и на́ воду! —

Тут Жанны голосок

Промолвил с твердостью, не знающей сомненья:
— Я принесу тебе варенья!

БАЛОВАННЫЕ ДЕТИ

Смотря на то, как я детишкам отдаю
Всю нежность, все тепло и всю любовь мою,
Иные морщат бровь презрительно и хмуро,—
Должно быть, в их глазах я вроде самодура,
Мои восторги им противны и смешны —
И впрямь безумен я, взглянуть со стороны.
О, детвора! Ну что ж, могу признаться в этом —
Мне любви малыши, омытые рассветом,
И часто на луну с досадой я смотрю
И жду прихода дня и тороплю зарю.
Увы, для короля я слишком бесшабашен,
Из подданных моих я никому не страшен!
Я предок царственный, я знатный властелин,
Держащий мир в руках, способный в миг один
Поставить все вверх дном, я ради их забавы
Ниспровергаю все законы и уставы,
И популярность мне дешевая сродни!
Конечно, старику, что доживает дни,
Простительна любовь к веселью и улыбке,

Но детям, ни одной не сделавшим ошибки,
Скажите, может ли сверханархичный дед
Украдкой указать им на резной буфет,
На тот державный шкаф, где спрятано варенье,
И этим подстрекнуть на правонарушение!
Я сам, молениям кухарки вопреки,
Им на заветные указывал горшки.
О, ужас! Я для них верхом на стулья лезу,
А если принесут нам ягоды из лесу —
Я заявляю им: «Смотрите, детвора!
Вот под окном у нас, не евшие с утра,
Стоят несчастные, оборванные дети,
Хватайте поскорей тарелку на буфете,
Зовите их сюда и дайте им поесть!

Теперь по существу. Я не вмению в честь,
И не могу признать я те установленья,
Которые у птиц хотят отнять паренье,
У статуй — красоту, и радость — у детей,
И если наша жизнь полна пустых затей,
Мне попросту смешно, когда судья строптивый
Ребенка вдруг корит украденною сливой!
Мы терпим королей фальшивые слова —
Не сливы нам беречь пристало, а права!
Когда позора шквал морскую гладь волнует,
Когда все общество за подлость голосует,
Когда в банкирах вор, а клеветник в попах,
Когда, продвинувшись на шахматных полях,
Пустой авантюрист с холодной усмешкой
Стремится стать ферзем из проходимца-пешки
И знает, если он сорвется, то ему
Открыт один лишь путь на каторгу, в тюрьму
Как заговорщику, как гнусному злодею,
А если он свою осуществит затею,

То увенчает вмиг короною чело,—
Когда спокойно свет глядит на это зло,
На подлость и разврат, что миром овладели..
Тогда, тогда бегу я к детской колыбели,
Тогда я чувствую, что мне милей стократ
Невинный выводок веселых чертенят,
Готовых каждый миг на выходку шальную,
Чем гнусная толпа, которая, ликуя,
Спешит приветствовать сановных подлецов,—
Что шалости детей пред подлостью отцов!

Из книги «Все струны мира»

1888—1893

(роман)

МЕЩАНИН О ХРИСТЕ

- Он хорошо учил.
— Был в тридцать лет распят.
- Он воду претворял в вино.
— Так говорят.
- При нем — апостолы. Двенадцать душ. Интриги.
- Мужланы,
— Простаки,
— Буяны,
— Прощельги.
- А он им ноги мыл.
— А эпизод смешной
С самаритянкою, а после с Сатаной!
- И с паралитиком!
— И с потерявшим зренье!
- Не знаю! Но питал он к торгашам презренье.
— Но все же Лазаря он поднял, смерть поправ!
— Мудрец.— Помешанный.
— В теории он прав,
Зато на практике — пустейшая причуда.

- Но все же был процесс!
— Свидетелем — Иуда!
- Со светлой личностью казнен был рядом вор!
— А кто мог вынести подобный приговор?
— Попы!
— Теперь они кадят ему во храме!
Был плотником отец, а пращуры царями!
— Престранно!
— Нет, растут иные от корней!
То вверх, то вниз — важна лишь чистота кровей.
В генеалогии подобное случалось!
— Он знал, что колдовство ему в вину вменялось
И кто-то мог нажать на этом деле грош!
— Но Магдалина, ведь была такой...?
— Ну, что ж!
— И стала все-таки святой?
— Или обратно.
— А богом был он?
— Да!
— Нет!
— Мало вероятно.
— Все ж он был очень мил, без никаких затей!
— Изящен, скромн, тих.
— По виду иудей!
И ясно лишь одно: что в свете ничего так
Он не ценил, как мир.
— Он нежен был и кроток.
— Он знал, что только дух нас может ввысь увести!
— Не бог, но что-то в нем божественное есть!
— В нем новый человек над древним возвышался.
— На кого черта он в политику вмешался?

НАДПИСЬ

Строитель создал храм пять тысяч лет назад
В честь бога вечной тьмы, кому подвластен ад,
Чтоб духи ужаса там жили в гневѣ лютом.
А ныне — ласточки небесные живут там.

ПРОРОК В ПУСТЫНЕ

Бежать за каменные кручи,
Во глубину пустынь бежать!
Уже на нас волной кипучей
Идет бесчисленная рать!

Она по всем морям пробьется,
Все обойдет материки;
Там бешеные полководцы
И бешеные моряки.

У них орудья на телегах
Ползут в безмолвии ночей,
Их всадники в лихих набегах
Летят, как тысячи смерчей.

И разъяренными орлами
Они заклёкнут: «Мы идем!
Мы поразим мужей клинками
И женщин голодом убьем!»

И видно их вооруженье,
Блестящее во тьме ночной,
И слышно их передвижение,
Рокочущее, как прибой!

И крылья их, крепки и быстры,
Затмят раскраску облаков,
Неисчислимы, словно искры
От полыхающих костров!

Идут со злобою звериной,
С мечами острыми в руках...
Не выходите на равнины!
Не покидайте свой очаг!

Уже военный рог по селам
Рычит, неудержимо дик,
И движущимся частоколом
Проходит ряд железных пик.

О, этот дым! О, скрип обозный!
Их злая речь, их грубый смех!
О, этот образ силы грозной
И страшной пагубы для всех...

Но наш господь, небес владыка,
К ним обратит лицо свое —
И от божественного лика
Они падут в небытие!

ТАЛАВЕРА

(Рассказ моего отца)

Под Талаверою один я помню случай.

Мы с англичанами вступили в бой кипучий
И встретились в упор у крепостной стены,
Мы с северной пришли, те — с южной стороны,
Ложбинка узкая делила два потока,
Уже с утра шел бой упорно и жестоко,
И сизые дымки, взметая пыльный прах,
Пятнали солнца лик, застывший в небесах.
И солнце, дымные преодолев преграды,
И юно и старо, как строфы «Илиады»,
Видавшее бои, где бился Ахиллес,
Как будто мстило нам и с высоты небес
На тех, кто оглушен был воем канонады,
Свинцовые лучи метало без пощады.
Оно слепило нас, стремясь в единый миг
Дополнить молнией раскат громов земных,
И правило свой пир, зловеще-лучезарно...

Король испанский Карл и временщик коварный
Годой с британцами сумели нас столкнуть,
Но климат здешних стран не правился ничуть
Ни им, ни нам. А день действительно был страшен:
Кругом ни травки. Но ложбины край украшен:
Там две сосны росли, а между их корней
Журчал и стрекотал серебряный ручей.
Как мимолетный взгляд сквозь темные ресницы,
Так ручеек сумел из-под земли пробиться,—
И вот раздельная черта проведена.
Быстрее, чем сеятель бросает семена,
С британцами в упор встречаются французы.
Зияли животы, как вскрытые арбузы,
И плавали в крови и кости и кишки,
А солнце лютое взирало на пески.
Штык, пуля, пистолет, иль пушка, или пика —
Нам это все равно, но вот жару стерпи-ка!
Железу и свинцу никто из нас не рад,
Но это только смерть, а жажда — это ад!
О, эта смесь жары, и горечи, и пота!
Но все же длилась кровавая работа
И озверело мы рубились. Груды тел
Валялись в ногах у тех, кто уцелел...
Немы, безжизненны и холодны, как камни...

И тут-то ручеек блеснул издалека мне...
Испанец, закричав: «Каррамба!» — побежал
К воде; ее уже британец оседлал;
Француз кидается — склонились все трое,
Вот на коленях все, уж речи нет о бое;
Вот раненый ползет, чуть дышит, на локтях,
И чокаются все водою в киверах...
Тот говорит тому: «Твое здоровье, друже!»
Так угощались мы, как в старину, не хуже.

Хоть после этого мы снова в бой пошли,
Но каждый чувствовал, что если короли
Желают нас обречь на гибель и проклятья,
То там, у бога, мы — между собою братья!

СОЛДАТУ, КОТОРЫЙ СТАЛ ЛАКЕЕМ

Ты прежде был бойцом, а ныне стал дворовым.
Когда простой народ в восстании суровом
Низверг Траянову колонну, то она,
В грязи, была как ты, нелепа и смешна.

Кудлатый мальчуган в деревне полудикой
Рукой великого ты к армии великой
Был приобщен, и вот бретонский пастушок
Сменяет на ружье кленовый посошок.

И славный день настал, сраженья день счастливый,
Когда под ядер треск, под грозные разрывы,
Пред фронтом на коне воителя узрев,
Ты вдруг почувствовал: в тебе проснулся лев.

Ты львом был десять лет! Стремительным наездом
Ты облететь сумел Берлин, Мадрид и Дрезден.
И в этих городах от страха все тряслось,
Когда ты площади пересекал насквозь

Напором боевым с ватагою победной,
И грива конская тряслась на каске медной,
И ты был впереди, ты расточал свой пыл,
Ты был могучим львом, ты властелином был.

Но вот Империя другим сменилась веком
И лев становится дворовым человеком...
Жить стало нелегко, и все же нужно жить,
И с голодом притом не хочется дружить.

Обиды все больней, все горше неудачи,
Дойдешь в конце концов до конуры собачьей!
И вот сегодня ты, увенчанный герой,
Солиден, строг и сух, в ливрее золотой.

Когда идут во храм сановные старушки,
За ними шествуешь с болонкой на подушке
И смотришь, как слюной собачий брызжет зев,
А в сердце у тебя рычит имперский лев.

* * *

Сколько неги и покоя!
Поглядите — в этот грот
Дафнис мог прийти за Хлоей,
За Психеею — Эрот!

Ритм природы здесь лишь найден
В сладкозвучии своем:
Глюк хрипит, фальшивит Гайдн
По сравненью с соловьем.

Небо, поле, стих веселый —
Что за трио! Чудеса!
Слышишь, в ласточкино соло
Хор кузнечиков влился?

Песни утренние эти
Вьются с птицами, паря,

Вот уж шесть тысячелетий,
Как диктует их заря.

Эти травы полевые
Пышным садом прорастут,
Чтобы гости городские
Отдохнули славно тут.

Эти мраморные скалы
Теплотою просквозят.
Даже воробьи-нахалы,
Стали скромны, не дерзят.

Вот июнь за светлым маем
Следом шествовать готов...
Мы едва уж различаем
Колокольчики коров;

Вот вдали стучит крестьянин
Башмаками из коры;
Под окном летают стаи
Мошек, шалых от жары.

А когда настанет вечер,
Бог, пройдясь по небесам,
Зажигает всюду свечи
И вечерню служит сам.

Мы забудем в этой куше
Опыт долгих неудач —
То, что людям так присуще:
Глупый смех и горький плач.

Только здесь вниманья, к счастью,
Я могу не обращать,
Если Францию на части
Делит швабская печать!

Уж воздух не пьянит, закат не так румян;
Вечерняя звезда закутана в туман;
Короче стали дни, не ощущаешь зноя,
И лист подернулся печальной желтизною.
Куда как наши дни безудержно быстры:
Тот, кто вчера страдал безмерно от жары,
Сейчас за теплый луч отдаст все блага в мире.

Для тех, кто спать привык, открыв окно пошире,
Досадны осени и непогодь и муть,
А лето — это друг, что едет в дальний путь.
«Прощайте!» — этот стон исполнен нежной ласки.
«Прощайте вы, небес нежнейшие раскраски,
Прогулки легкие, свиданий нежных пыл,
И рифмы звонкие, и шорох птичьих крыл,
И счастье юное, какое знают дети,
И зори, и цветы, и песни на рассвете!»

Они вернуться к нам, чарующие дни,
Но вот вопрос: меня застанут ли они?

БОЛЬШОМУ АРТИСТУ

Великих гениев глашатай вдохновенный,
Ты нас ведешь вперед дорогой сокровенной
Туда, где дух парит, где ясны небеса,
Где над мятущейся, шумливую толпою
Звонят трубою
Их голоса!

Макбет иль Прометей, Орест или Отелло,—
Эсхила сочетал с Шекспиром ты умело,
Ты в адских глубинах те образы найдешь.
Великие творцы, в страданьях и в печали,
Им души дали,
Ты плоть даешь!

Смотри богам в лицо! Стремись по ним равняться.
Их мысли, их дела не по плечу паяцам;
Но ты их воплоти, как маг, как чародей,
Стань богом, стань орлом с блестящим опереньем,
Стань отраженьем
Больших идей!

Ты череп Йорика достанешь из могилы,
И с Калибаном ты проникнешь в край унылый,
Все у тебя в руках — и злоба и добро;
Будь принцем, и слугой, и палачом проклятым.
 И Карлом Пятым,
 И Фигаро!

Твори, изобретай! Ты должен перед светом
Снять урожай идей, посеянных поэтом,
Ты должен покорить в пленительной борьбе
Те страсти гордые, что головы нам кружат;
 Пусть верно служат
 Они тебе!

Трепещущая речь, в порыве и в тревоге,
Еще не входит в мир, она лишь на пороге.
Ты образ вылепи из стихотворных строф —
И пусть он ринется в неизъяснимой дрожи,
 Как ангел божий
 На рать бесов!

Жрецы бессмертных муз, несите вдохновенье
Тем, кто глядит на вас с улыбкой снисхожденья,
И услаждайте тех, кто даже глуп и сух.
Чем больше тратите, тем больше обретете, —
 Над миром плоти
 Нетленен дух!

* * *

Ваш удел — вдохновенье, собратья-поэты.
Вы поете, звеня,
И сопутствуют вам зоревые рассветы
До последнего дня!

Увлекает поэзия вас на высоты
И за грани времен;
Юность — это Платон, собирающий соты,
Старость — Анакреон!

Так летайте, порхайте, поэты благие,
Вам пристало оно;
Распевайте погромче свои неземные
Песни радости... Но

Если вам хоть крылом доведется коснуться
Хаотических бурь,
Где и смерть, и беда, и размах революций,
То забудьте лазурь.

Позабудьте любовь, позабудьте мечтанья
И отдайте сердца
Беззаветным стремленьям, людскому страданью
И борьбе до конца.

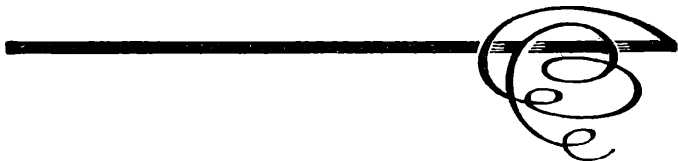
Человеческий род за шесть тысячелетий
Поднял к небу чело
И воспрянул на бой, чтоб низвергнуть на свете
Вековечное зло.

Кто с великой семьею мятежников спаян,
Кто познал скорбь и гнев,
Не малиновкой в небе зальется пускай он,—
Пусть рычит, словно лев.

A decorative oval frame with a flourish extending from the bottom. The text is centered within the oval.

**Альфред
де Мюссе**

1810 • 1857

АНДАЛУЗКА

Вы не видали в Барселоне
Одну красавицу, чей взгляд
Печален, словно день на склоне,—
Она маркиза д'Амеони!
Моя любовь, мой страшный ад!

Я воспевал ее стихами,
Я дрался за нее не раз,
Я мог простаивать часами,
Чтоб увидеть в оконной раме
Хотя б зрачок любимых глаз.

Она моя! Ничья другая!
Мне этот взгляд, и эта речь,
И эта шейка вырезная,
И волосы, что, ниспадая,
Порфирию струятся с плеч.

Я на нее гляжу украдкой,
Когда в укромном уголке
Она заснет в истоме сладкой.
Они мои — рука, перчатка
И ножка в черном башмачке!

Когда на вас лукавым взглядом
Она посмотрит — в тот же миг
За то, чтоб стать лишь с нею рядом,
Вы пренебречь способны адом,—
Клянусь в том сонмом всех святых!

О, боже, как она прекрасна!
Когда в порыве и мольбе
Объятая простирает властно
И, содрогаясь сладострастно,
Зовет любовника к себе!

И песнь ее нежна, как скрипка,
Когда, проснувшись — чуть рассвет,—
Она с веселою улыбкой
Спешит на стан живой и гибкий
Шелко́вый натянуть корсет!

Итак, мой паж, идем в засаду!
Уже сошла ночная тьма.
И мы такую серенаду
Споем с тобой, что все алькады
Окрестные сойдут с ума.

ПЕПИТЕ

Лишь ночь опустится, Пепита,
Лишь только мать уйдет к себе,
И ты, одеждой чуть прикрыта,
В сердечной склонишься мольбе;

Лишь только ночи ты расскажешь,
Что днем могло так волновать,
Лишь только чепчик свой развяжешь
И оглядишь свою кровать;

И весь твой дом задремлет чутко
Среди полночной темноты,—
Пепита, дивная малютка,
О чем задумаешься ты?

Кто знает? О судьбе ль девицы
Из книги, читанной тобой?
О том, к чему мечта стремится
И что заказано судьбой?

Иль, может быть, насчет гигантских
Гор, порождающих мышей?
Насчет любовников испанских?
Насчет сластей? Насчет страстей?

Иль о признаниях стыдливых
Твоей подруги вечерком?
О новых платьях? О мотивах?
Иль обо мне? Иль ни о чем?

Г-ЖЕ МЕНЕССЬЕ,

которая положила на музыку стихи автора

Блажен, сударыня, и может возгордиться
Тот, чьи мечтания, тот, чей певучий стих
Хоть на короткий день, хоть на кратчайший миг
Сумеют с вашими мечтами породниться;

Тогда его напев, что в тишине возрос,
Придет, как пилигрим, к порогу ваших грез
И станет, молчалив и полн благоговенья,
Пред радужным дворцом, в котором спят виденья.

Он отзвучал давно, людьми он позабыт,
Но с ваших алых уст он снова возлетит
Певуньей птицею, паря под облаками...

И если он порог заветный перейдет,
Он будет вашими одушевлен устами,
Улыбкой вашей расцветет!

К НИНОН

Вы, чернокудрая с небесными очами,
Что, если я скажу, что полюбил я вас?
Любовь крушит сердца, мы знаем это сами,
И вы, что плачете над нежными сердцами,
Меня накажете, быть может, в этот раз.

А если я скажу, что вот уже полгода,
Как тосковать по вас мне было суждено?
Нинон, вы так умны, ваш ум такого рода,
Что, как волшебница былого обихода,
Вы сможете сказать: «Я знаю все давно».

И если я скажу, что стал я вашей тенью,
Что, к вам прикованный, я жизнь пройду, скользи...
Вы знаете, Нинон, что вам к лицу сомненье,
И вы проявите, быть может, сожаленье,
Но все же скажете, что верить мне нельзя.

А если я скажу о том, что вам известно,
Что ваших милых слов мне не забыть теперь,

Тогда, сударыня, тогда ваш взгляд прелестный
Заблещет молнией карающей небесной
И вы мне, может быть, укажете на дверь.

И если, наконец, скажу, что втихомолку
Я плачу и молюсь — один в тиши ночной,—
Когда смеетесь вы насмешливо и колко,
Ваш ротик за цветок любая примет пчелка,
И вы — вы будете смеяться надо мной!

Но все ж до этого вам в жизни не дознаться,—
Я буду приходить, садиться у огня,
И слушать голос ваш, и пеньем упиваться,
И вы вольны шутить, кокетничать, смеяться,—
Вы не узнаете, что мучает меня!

О, сколько я собрал примет в любовной муке!
Я каждым вечером внимаю, недвижим,
Как вдоль по клавишам рокочат ваши руки;
Когда же позовут к веселым вальсам звуки,
Сжимаю гибкий стан объятием своим.

Но только ночь придет и мир уgomонится,
К себе вернувшись в дом, завешу я окно,
Чтоб без свидетелей достойно насладиться
Своим сокровищем,— я вправе им гордиться:
То сердце чистое, что вами лишь полно.

Да, я люблю! Любовь моя вне подозренья,
Я никому о ней ни слова не скажу,
Мне тайна дорога, мне дороги мученья —
И клятву я даю любить без сожаленья,
Но не без радости,— ведь я на вас гляжу!

Но все ж мне не судьба дождаться поцелуя,
И мне у ваших ног не умереть,— о нет!
И дни мои летят, я плачу, я тоскую...
И все же, если я скажу, что вас люблю я,—
Что вы, красавица, мне скажете в ответ?

СОНЕТ Г-ЖЕ МЕНЕССЬЕ

— Я помню девочку — она была прелестна,
Изящна, как цветок, и свежести полна...

— Я помню одного большого шалуна,
Он Байрона любил и танцевал чудесно!

Так мы зовем к себе дни юности совместной,
И их приветствует седая старина...
И между нас стремглав проносится она,
Та память... как намек, как отблеск бестелесный!

О, только жалкий трус бояться б тленья мог!
Он думает, что мох запачкать может стену?
О память светлая, вожатый всех дорог,

Благодаря тебе мы знаем жизни цену,
И нам становятся и милы и священные
Случайный взгляд, и вздох, и детский погромок.

ПРОЩАЙ, СЮЗОН!

Прощай, Сюзон, моя голубка,
Моя недельная любовь.
Всегда нам мило то, что хрупко,
И то, что не вернется вновь!
Кто скажет мне, к какому краю
Мою звезду судьба толкнет?
И вот я еду, дорогая,
 Куда не зная —
 Всегда вперед.

Я еду — и своим лобзаньем
Меня ты страстно обожгла;
Я нежно, милое создание,
Касаюсь твоего чела.
Мне сердце сжала боль тупая —
Как билось весело твое!
И вот я еду, дорогая,
 Куда не зная,
 Дитя мое!

Чу! Вот уж подали карету —
И странно мне, я сам не свой,—
Что напомаженную эту
Головку не беру с собой!
А ты смеешься, убегая,
О шаловливое дитя!
И вот я еду, дорогая,
Куда не зная —
Всегда шутя!

Какая грусть в твоём привете,
Какая скорбь в твоих словах!
Мне нравятся и слезы эти:
Ведь сердце у тебя в глазах!
А в этом взгляде жизнь такая —
Что даже смерть не так тяжка!
И все ж я еду, дорогая,
Куда не зная —
В душе тоска!

Когда любви совсем не стапет,
Ты память сохрани о ней,
Пока букет мой не завянет
На молодой груди твоей!
Прощай, любовь моя бывая,
И знай, что я в моей судьбе
Несу от края и до края,
Куда не зная —
Мысль о тебе.

ПЕСЕНКА

Привет, Сюзон, цветок лесной,
Ты хороша ли, как бывало?
Гляди, вернулся я домой,
По свету побродив немало.
Я шел по всем путям земным,
Я сам любил и был любим,
 Но то, что было,
 Не будем вспоминать теперь,—
 О друг мой милый,
 Открой мне дверь!

Я помню дней весенних цвет,
Когда ты глазки опустила
И скромно мне сказала: — Нет,
Моя пора не наступила.—
Увы, тогда я ждать не стал,
Ужель теперь я опоздал?!
 Но то, что было,
 Мы можем вспомнать теперь.
 О друг мой милый,
 Открой мне дверь!

СОНЕТ

«Встречаться в радости без края и конца,
Без околичностей и без хитросплетений —
И без утраченных надежд, без сожалений
Мгновенью отдавать свободные сердца!

Иль устремлять вперед свою мечту, свой гений,
Но не мрачить любовь туманом сновидений,
И в этой ясности искать для образца
Лауру и ее бессмертного певца!»

Так вы, чей легок шаг, чей нежен взор горячий,
В уборе из цветов, которых краше нет,
Вы дали мне урок, мне подали совет,

И, старое дитя беды и неудачи,
Я слушал вас и мог одно сказать в ответ:
«Так жизнь прожить нельзя, но любят не иначе!»

**ГОСПОДИНУ РЕНЬЕ,
артисту «Французской комедии»,
на кончину его дочери**

Откуда эта скорбь? Откуда это горе?
Едва знакомые, мы не были близки;
Его чудесный смех и лень моей тоски
Столкнулись на ходу в случайном разговоре!..

В театре я не раз видал, как мастерски,
Испытанный остряк, с веселием во взоре,
В педантском колпаке иль шутовском уборе,
Он публике дарил остроты и прыжки...

Так почему ж теперь при этой страшной драме.
При мысли, что ему малютки не вернуть,
Так горько стало мне, так тесно сжалась грудь?

Бог знает почему... Мы понимаем сами,
Что истинную скорбь не выразить словами,
А слезы никогда не могут обмануть.

Огюст Барбье

1805•1882

Из книги «Комические сатиры»

1865

ПРОЛОГ

Когда-то, чтоб клеймить порочный наш уклад,
Я строил пылкий ямб на Ювеналов лад.
Тогда, вооружась своим пером тяжелым,
Пороки я клеймил убийственным глаголом.
Теперь я охладел, но внутренне стал злей,
И тон совсем другой сатире дам своей.
Я гордую решил покинуть Немезиду,
И, маску Талии использовав для виду,
Хотел бы я пройти, хотя бы наугад,
К тому, чьим другом был достойный Меценат,
И отзвук отыскать я постараюсь ныне
Тех песен, что певал Гораций по-латыни!
— Гораций? — скажут мне. — Но это ведь смешно!
Не лучше ль в свой стакан свое налить вино?
А почему же нет? Примеры эти редки
Сегодня, в наши дни, но прежде наши предки,

Нисколько не гордясь, обычаям верны,
Умели оживлять наследье старины!
И не считалось то особенной ошибкой,
Когда какой-то ум, утонченный и гибкий,
Умело применял в писаниях своих
Летучее словцо иль мудрый старый стих.
Другие времена — другие и заботы,
У наших геншев иные есть красóты, —
Кто хочет показать, что с классикой знаком,
Тот прослывет у них последним дураком!
По-моему, у них, у этих современных,
Не слишком ярок свет в светильниках зажженных,
И трудно допустить, подумавши слегка,
Чтоб этот свет проник в грядущие века!
Ведь эти старики без грохота и шуму
Свою заветную обдумывали думу,
Природу лишь одну считали образцом
И подражали ей и словом и резцом!
Так появились в свет те образы, те строки,
Что уцелеть смогли сквозь вековые сроки.
И сохранили жизнь, и молоды опять,
Как будто вечности лежит на них печать!
Нет, если ценит кто великий старый гений,
То не из мерзостных и жалких побуждений
И вовсе не затем, чтоб жестом хитреца
Хоть камешек стянуть из тайного ларца
Иль оторвать подол от старой доброй тоги,
С тем чтоб на свой сюртук пришить его в итоге,
И способом таким надеясь, может быть,
Позор и нищету идейную прикрыть!
Нет, я хочу облечь в те ритмы и размеры
Живые образы любой житейской эры,
Которые всегда в почете и в чести,
Которым суждено бессмертье обрести, —

Вот тут-то я хотел... Но каждый замечает,
Что муза ласки нам не слишком расточает.
Оригинальностью не соблазнясь ничуть,
Я к подражанию направил честный путь
И присоединить себя считаю вправе
Хотя б на миг один к чужой бессмертной славе!

СТАРЫЙ СПОСОБ РАЗБОГАТЕТЬ

Робер Макэр и Бертран беседуют на скамейке
бульвара Тампль

Б е р т р а н

Еще вопрос, Робер! Ответь мне, говори же,
Как можно без труда разбогатеть в Париже?
Тебе смешно?

М а к э р

Бертран! Какой же ты пострел!
Едва лишь с каторги ты улизнуть успел,
Едва лишь сбил с пути ищеек полицейских
И вновь пришел сюда для замыслов злодейских?

Б е р т р а н

О славный мой Робер! Ты догадался вмиг,
Зачем на этот раз в наш город я проник;
Но только действовать хотел бы я иначе.
Открой же мне секрет победы и удачи!..

Быть мелким жуликом я не хочу отнюдь,
Желаю я вступить на добрый, честный путь,
Не буду прибегать к уловкам и обману
И с правосудием вступать в раздор не стану.
Так научи меня! Как я ни будь хорош,
Но честность без гроша не ставится ни в грош!

Макар

Ну что же, если ты действительно без денег,
И если твой костюм потаскан и худенек,
И хочешь ты притом богатство получить,
То я тебя могу, пожалуй, научить.
Ты должен, как лиса, которая попала
В курятник, все вокруг обнюхать для начала
И, жертву для себя наметив пожирней,
Наброситься и вмиг свести все счета с ней!
Чтоб в люди выбиться из этого болота,
Ты должен отыскать такого идиота,
Купца, откупщика — их много в наши дни,—
Чтоб был богат и стар и не имел родни,
Тогда тебе, Бертран, Фортуна улыбнется;
Не проиграет тот, кто правильно возьмется!

Бертран

Я понимаю все — ведь это не хитро,—
Он должен завещать мне все свое добро!

Макар

Ты прав, о мой Пилад, погоня за наследством
Является для нас испытаннейшим средством,—
У всех единая заветная мечта,
У нас от роскоши родится нищета!
Конечно, честный путь бывает безопасней.
Но конкуренция — нам сушая беда с цей!

Кого ты ни возьми, юриста иль врача,
Всяк надрывается, тележку волоча;
Не лучше ль сделаться большим миллионером,
При этом не трудясь ни тем, ни сим манером,—
И, вставши поутру, с приятностью узнать,
Что больше никаким лишением не бывать.
Лишь только потому, что некий дурачина,
В тот час когда его приблизилась кончина,
Заполнил полстроки фамилией твоей,
И больше ничего! И вот ты богатей!
И все в твоих руках — и кони, и лакеи,
Деревни, и поля, и замки, и аллеи,
И сразу станешь ты умней и лучше всех!
Черт будет с завистью глядеть на твой успех!
Приманка для невест такое состоянье —
Ведь наши барышни свой блеск, и обаянье,
И нежный взгляд очей дарят почти всегда
Тому, чей рот слюняв, а борода седа.

Б е р т р а н

Что может быть милей! С чего ж начну теперь я?

М а к э р

Пустяк, мой друг! Живи, внушая всем доверье!

Б е р т р а н

Но это нелегко!

М а к э р

Нет, если ты с умом,
Так научись болтать часами ни о чем!
Всего важнее — льстить! Ведь лезть смертельным
ядом
Похожа на ружье с отравленным зарядом,

Но если в дурака кто из ружья пальнет,
Дурак тот не помрет, а пуше расцветет!..
Такие выпады всегда ему по праву,
Он благодарность сам приносит за отраву,
И ты, таким ружьем без промаха разя,
Запомни лишь одно — перегибать нельзя!
Есть некто Филютен, он холост и бессилен,
Живет он близ Марэ, один, как старый филин...

Б е р т р а н

Я знаю — старый хрыч, он в деньги лишь влюблен!
Из бедных вытащил он не один дублон,
И был он под судом, как говорят, когда-то
За то, что отравил двоюродного брата!
Он сущий негодяй, и радости тюрьмы,
Пожалуй, заслужил он более, чем мы!

М а к э р

Вот именно! И ты, Бертран, не трать мига,
Вниманье обрати на этого сквалыгу.
Не медля, в ход пусти беспримесную лесьть
И восхваляй его таланты, ум и честь!

Б е р т р а н

Хоть совесть у меня ко многому привычна,
Но это все-таки... уж слишком неприлично.

М а к э р

Тогда иди просить... На улицу! Во тьму!
Как шелудивый пес!..

Б е р т р а н

Ну, это ни к чему!

Макэр

Тогда послушай, друг, не слишком негодуя,
Все то, что я тебе сейчас рекомендую!..
Ведь те, кто в обществе знатней, чем я и ты,
К деньгам и почестям пришли из пустоты,
А что нам до того, что кличкою позорной
Клеймит без устали их обличитель вздорный?
Не раз тебе шепнет какой-нибудь простак:
— Вы поздоровались с таким-то? Как же так?
Ведь это негодай! Он жуликом отъявлен! —
А ты на то в ответ: — Отъявлен — не объявлен!
Он не был под судом, он не изобличен,
А то, что говорят, мне просто нипочем!
Я знаю лишь одно: всегда, когда мне туго,
Он деньги мне дает широким жестом друга!
Тут можно ль возражать? Ничем не возразим.
Поскольку аргумент такой неотразим!
И обличитель сам, в сугубом огорченье,
Уйдет, стыдясь своих нелепых обличений!
А между тем старик, ворчун и богатей,
Придет в большой восторг от верности твоей:
— Мой дорогой Бертран! Он только мной и
грезит! —
Он скажет и к тебе с лобзанием полезет!
Ты для него оплот в страдальческой судьбе,
Он позаботиться намерен о тебе!
И вот из ящика берет он потайного
Листок и перечесть его желает снова.
А ты внимания не обращай ничуть,
И уши и глаза обязан ты заткнуть.
И говори одно: — Я так вас ублажаю
Лишь потому, что я вас очень уважаю!
Вы уделяете вниманье мне? Зачем?

О завещанье я не думаю совсем!
Хотите выделить вы долю мне большую?
К чему? И без того на ладан ведь дышу я,
Я духом немощен, нет сил и нет огня,
И благодетель мой переживет меня... —
Но все же гни к тому, как можно незаметней,
Чтобы тебя богач восьмидесятилетний
Признал единственным наследником своим —
Нельзя пренебрегать тут средством никаким.
Не обойдешься тут одною грубой лестью,
Уместно к клевете прибегнуть и бесчестью.
И если из родных кто-либо зачистит,
Пускай его твой смех позорит и честит:
Припомни, кто и в чем когда-то провинился,
Да так, чтобы старик от гнева разъярился!
У старцев дух суров, и нежность им чужда.
Всего доступней им не дружба, но вражда!
Над стариком таким имеет власть служитель,
При нем он, как в тюрьме при узнике смотритель.
Не вздумай ссориться с таким дворовым псом!
Наоборот, мой друг, считайся с ним во всем,
А выставить его сумеешь ты за двери,
Лишь только к старику вотрешься ты в доверье.
Вот что важней всего! Пока он не почил,
Хочу я, чтобы ты подробно изучил
Все, что ему теперь и дорого и мило,
Все то, что старость в нем еще не остудила,
Что он от юности сумел в душе пронести!
Узнай, не любит ли он вкусно пить и есть?
И если так — тогда нам козырь прямо в руки!
Немедля окулись в глубь кухонной науки —
Читай скромные и постные меню,
Узнай, какую где готовили стряпню...
Когда тебе пришлют из Нанта иль Лиможа

Какую-нибудь дичь, достойную вельможи,
Или с особенной начинкою пирог,
Будь к самому себе неумолимо строг,—
Все отошли ему, сам даже не попробуй,
Но благодетелю препроводи в утробу!
Кто хочет в будущем занять высокий пост,
Тот должен испытать, что значит строгий пост!
Но если старичок, насытив аппетит свой,
Сумеет вдруг в себе почувствовать бесстыдство
И если он, лучом Венеры осиян,
Посмотрит гордо ввысь, свой выпрямляя стан,
Тогда, мой друг Бертран, пойми, что это значит,
Из рук твоих тогда наследство не усколет.
Подобный старичок — он тот же людоед,
Без свежего мяса ему покоя нет.
И если ты ему доставить это сможешь,
То свой авторитет в его глазах умножишь!
Он верит, что ему желаешь ты помочь —
Так вот пошли к нему свою родную дочь!

Б е р т р а н

Что ты сказал, Робер? Чтоб дочь мою отправить?..

М а к э р

Но без интриги нам комедию не поставитъ.
Развязка только та приятна и мила,
В которой женщина участие приняла!
По слухам, у тебя премиленькая дочка,
У ней глазок остер и розовая щечка,
Пусть для нее начнет в наикратчайший срок
Усердно ворковать наш дряхлый голубок!

Б е р т р а н

Я воспитал ее порядочным созданием!

Макар

Тогда скорей займись ты перевоспитаньем!
Скажи, что ждет ее безвыходнейший мрак,
Потом изобрази превыгоднейший брак,
И пусть она поймет — тут нечего стесняться, —
Что, если девушке исполнилось шестнадцать,
Ей просто ни к чему, вздыхая от тоски,
Чинить дырявые отцовские чулки!
И тут же намекни, что старика от страсти,
Наверно, растрясет и разорвет на части!

Бертран

Но я боюсь, Макар, что этот старый хрыч
Не сможет у нее взаимности достичь
И вызовет испуг и даже отвращенье!

Макар

И до чего же ты лишен соображенья!
Взгляни вокруг себя! Не видим разве мы
Юнцов, что отдают весну за снег зимы?
И можно ли назвать такой союз несчастным?
С богатством и урод становится прекрасным!
Пусть поживет она в довольстве два денька,
И ты не оторвешь ее от муженька,
Как пса от косточки, которую он гложет.
Тут о соперниках уж речи быть не может!
Под носом у родных захлопнуть можно дверь.
Наследство целиком в твоих руках теперь!
Но все же... Если я сказал, что нам бояться
Уж нечего, ты все ж не должен обольщаться,
Поскольку может быть беда совсем в другом.
Допустим, овладеть смогли вы стариком;

Вот он в красавице твоей души не чаёт,
И все свое добро ей тут же завещает,
И дряхлую рукой подписанный листок
Уже лежит в шкафу, запрятан под замок,
Все будто хорошо, но может вдруг случиться,
Что голова у вас от счастья закружится,
И, опьяненная подобным торжеством,
Она затеет флирт с великосветским львом!
Тогда, смеявшийся над родственным синклитом,
Холопом ты себя почувствуешь побитым!
Увидит наш простака, что это лишь игра,
И он возьмет тот лист, что подписал вчера,
И тою же рукой, одним-единым словом
Отменит свой приказ и отомстит за все вам.
Покуда смерть его не обратит во прах,
Он может вас легко оставить в дураках.
И, значит, вы уход за ним должны удвоить
И ублажать его, чего ни будет стоить!
Пусть ни один у вас не вырвется намек,
Что дорог вам не он, а только кошелек...
Я видел случаи, когда единым махом
Двадцатилетний труд вдруг рассыпался прахом.
Вот так от резкого движенья рыбака
Уж клюнувший карась срывается с крючка!
Пусть их пример тебе послужит в поученье!
Но наконец пришел он, час освобожденья!
В один прекрасный день могильная доска
Придавит наконец останки старика.
Тогда ликуй, Бертран! Тогда справляй победу!
Как щуку, карася схватившую к обеду,
Тебя пронзит восторг до самого нутра!
Победа! Торжество! Ура! Ура! Ура!
Уже нотариус бумагу извлекает
И чистым голосом протяжно возглашает,

Взирая свысока на жалкую семью:
«Всю движимость и всю недвижимость мою
Я другу моему Бертрану завещаю!»
О, радость без конца! О, счастье без края!
Быть может, в этот миг от сердца полноты
Захочешь вдруг обнять нотариуса ты,
Так лучше воздержись! Не выходя из роли,
Старайся проявить все выраженья боли
И слез горючих лей безудержный поток,
Прижав к своим глазам надушенный платок.
И говори одно: — О, боже! Что случилось!
Мне, недостойному, за что такая милость?
Чтоб друга воскресить в расцвете прежних сил,
Я отдал бы назад все то, что получил! —
Такие выкрики здесь будут очень кстати,
Чтоб выразить всю скорбь об этакой утрате
И этим отвести гнев близких и родных,
Которые в мечтах обмануты своих!

Б е р т р а н

Но можно ль допустить, что эти все особы
Уступят так легко без проявленья злобы?
Я думаю, они, оставшись в дураках,
Поднимут страшный шум в присутственных местах!

М а к э р

Утешься, милый друг, — волнение пустое!
Ведь дело мелкое, гражданское, простое!
Наследство же твое настолько велико,
Что адвокатов ты найдешь себе легко!
Вот так ты жить начнешь, не ощущая страха,
И перейдешь к делам уж большего размаха.
Ударь по старичкам — ни пуха ни пера!

Они не подведут! Однако мне пора!
Я заболтался тут, забыв про все на свете,
А там на бирже ждут расставленные сети!
О боже, сделай так врагам моим назло,
Чтоб мне на акциях дорожных повезло!

МОНУМЕНТОМАНИЯ

Сейчас, как в старину, во дни упадка Рима,
Тщеславие растет в нас непреодолимо.
Бессмертье всяк снискать при жизни норовит,
Сам лезет на алтарь и сам себе кадит.
Нам мало, видите ль, статейек и заметок,
Кричащих так и сяк, жужжащих так и этак,
В которых разбитной газетный журналист
Любому жулику лавровый дарит лист;
Нам мало расклеить на площадях центральных
Портретов множество и пестрых и нахальных,
Где с небрежением на уличных зевак
Взирает демагог иль попросту дурак!
Нам надобно еще... Есть некие уловки,
Что долговечнее статьи иль зарисовки.
И мрамор, и гранит свою кладут печать,
Чтобы тщеславие людское увенчать,
Как белые грибы, которые толпами
Встают после дождя под старыми дубами.

У нас на улице на каждой городской
Под неспорной ремесленной рукой
Встают образчики искусства той эпохи,
Когда великое размолото на крохи
И даже Фидия божественный резец
Сумел бы послужить для суеты сердец!
И вот застывшие нелепые громады,
Загромоздившие и выставки и склады,
Артисты и певцы, любимцы наших дней,
Те, чей напыщен взгляд и гордо взбит тупей!
О, эти глупые дикарские уродцы!
Как поглядишь на вас — откуда что берется!
Нет, если бы я был префектом хоть на день,
Уж я бы вывез вон всю эту дребедень!
Мой бог! Мне и Версаль всегда был ненавистным
С его собранием батально-живописным,
Хоть можно отыскать там все же не одно
С портретом сущего героя полотном!
О, если б сей разгул гордыни ненасытной,
Сей бронзовый соблазн, сей опиум гранитный
В одном Париже был — еще куда ни шло,—
Но ведь по всей стране распространилось зло!
Мольеру памятник сооружен в Париже,
Но и провинция желает быть не ниже!
Медвежьи уголки стараются в момент
Герою местному поставить монумент.
Кто мог бы допустить, что в некоей малой точке
Гражданственный восторг дойдет до высшей точки
И будет во весь рост, во всей своей красе,
Стоять на площади какой-нибудь Грессе!
Иль, скажем, Пармантье, он проявил талант свой,
Он ввел картошку в свет, дал ей права гражданства
Все это хорошо, но стоит ли его
На дивный пьедестал взводить, как божество?

Тоска берет смотреть на форум наш открытый,
Не разукрашенный и пылью лишь покрытый,
В то время как вон там, на стогнах городских,
Мы видим образы воителей лихих.
Вот бравый генерал — под знаменем имперским
Пятнадцать лет ходил он с видом изуверским,
Но удаль проявлял великую свою
Скорее в грабеже, чем в доблестном бою!
И все же он герой, стоит недаром здесь он,
И он скучающим туристам интересен,
А в праздничные дни достопочтенный мэр
Его приводит всем как доблести пример!
Не знаю сам, к каким границам и пределам
Нас приведет любовь к сим истуканам белым!
Их будут возводить всем лучшим поварам
За яства, что они готовят королям,
Их будут присуждать героям из района,
Как крест Почетного дается легиона,
Который только тот не может получить,
Кто деньги за него не хочет заплатить!
Но есть у нас ведь власть! Зачем рукой железной
Не выметет она сей мусор бесполезный?
Власть! А при чем она? Мы видим, что у ней
Есть в эти времена задачи поважней.
Она, когда над ней самой гроза нависла,
Искусству не привьет ни логики, ни смысла!
Ведь человек у нас свободен, так сказать,
И эту чушь нельзя законом наказать!
Мы чтим кого хотим! О злая тень Вольтера!
Ты не могла б найти достойнее примера,
Чтоб миру показать, как, в простоте своей,
Мы возрождаем стиль отживших королей!
«О вы, которым, — так сказал бы он, — угодно
Потомкам передать свой профиль благородный,

Вы можете легко сей разрешить вопрос:
Езжай любой из вас хотя бы на Парос,
И покопайся там, и глыбу там найди ту,
Из коей некогда ваяли Афродиту,
Стань перед скульптором и, денег не щадя,
Позируй в образе пророка иль вождя!
Лоб — хоть бы в семь пядей, рост — хоть бы в три
сажени!

Закутывайся в плащ, когда ты хил в сложенье,
Ну, словом, будь таким, наперекор судьбе,
Каким в своих мечтах ты кажешься себе!
Но скульптора проси, чтоб, соблюдая сходство,
Не выдал он твое моральное уродство!»

ПРАВИЛЬНАЯ ТАКТИКА

Однажды, в поисках увертливых созвучий,
Я шел по городу и в суете трескучей
Увидел зрелище: бежал во весь опор
Какой-то человек, крича: «Держите! Вор!»
И все показывал рукой ожесточенно,
Куда, мол, убежал злодей изобличенный;
И все прохожие бросались вслед за ним,
За гнусным жуликом, а этот, недвижим,
Стоял и, пальцами меня направленья,
Указывал на след, на тень от преступленья,
Поскольку вором был не кто иной, как тот,
Кто поднял этот крик! Курьезный анекдот!
Я разобрался вмиг и понял смысл проделки,
И, видя, как глупцов дурачит жулик мелкий,
Я сам себе сказал:

«Полны таких людей
Великосветские салоны наших дней!
Игра, в которой тот всегда получит встряску,
Кто, на лицо надеть не пожелавши маску,

Пойдет в широкий свет, в открытые дома,
Где всяк по-своему спешит сходить с ума!
Чего они хотят? Схватить, быть может, в руки
Присущее уму, и чести, и науке?
Да нет, теперь, когда в упадке стыд и честь,
Никто не хочет быть умнее, чем он есть!
Наоборот, нам свет еще дает уроки,
Как возвеличивать, как украшать пороки,
И не стыдись притом, что наглеца в упор
В печати обличит газетный шелкопер!
Важней всего блюсти заведенный обычай,
Зато, под домино общественных приличий,
На светском рауче — уж вот где благодать,
Где можно полный ход разнузданности дать!
Вот так, не думая о мерзости мошенства,
Стремятся жулики дорваться до блаженства.
Из них любой, храня вполне достойный вид,
Чужое золото присвоить норовит
И на него еще проценты начисляет!
Стал Дон-Жуан попом и браки закрепляет!
Известный всем Валер, игрок из игроков,
Который все столы зеленые готов
Засыпать золотым, безудержным Пактолом,
Клеймит биржевиков язвительным глаголом.
А Фрина! Вот она — гетера! Погляди!
Дары любовников на шее, на груди,
А как прогивны ей продажные наяды,
Как требует она налога на наряды!
Богач Тримальхион, обжора из обжор,
Чревоугодникам бросает злой укор.
И дон Базилио поет легко и смело
О том, что клевета — постыднейшее дело!
А деспоты твердят прекрасные слова
О том, что нужно чтить народные права!

ОБЕД С АНГЕЛАМИ

В Париже много мы найдем противоречий:
В устах у дьяволов там ангельские речи,
И ангелы живут там на такой манер,
Что может быть к лицу лишь детям адских сфер,
Поскольку жизнь у них, которой нет блаженной,—
Комфорт, и общество, и радость опьянений
И лучших яств... Так вот — прошедшею зимой
Позвал мой родственник меня к себе домой;
Он человек весьма солидный, просвещенный
И даже должностью высокой облеченный.
Он крепко верует, и запросто он вхож
В благочестивый мир изысканных святош.
Что мне до этого? Не видя в том урону,
Я в платье праздничном пошел к амфитриону;
И вот я прихожу — в салоне у дверей
Мое прибытие провозгласил лакей,
И через миг сижу я в креслице старинном,
Любуясь весело пылающим камином,
И разговор веду с кузеном; он глядит

По сторонам: когда ж сберется весь синклит.
Ждать долго не пришлось,— через одно мгновенье
Все гости собрались в шумливом оживленье.
Румяный старичок явился раньше всех —
Вид резвый, бойкий взгляд и добродушный смех,
Под маской шалуна тончайший он политик
И откликается на обращенье «критик».
За ним вошел другой, и мой кузен ему
Отвесил сразу три поклона — по всему
Видать, что дипломат, вельможа, блеска полон,
Недаром свой пластрон рубином заколол он.
И тут же вслед за ним является другой,
Мгновенно вынырнув из шубы меховой.
Он тонок профилем, его лицо бескровно,
Он приближается, как некий жрец верховный,
Смотрящий свысока, холодный и сухой.
Он может быть сравнен с Аквинским лишь Фомой!
А там за ним контраст, какого не отыщешь:
Закрученный хохол, огромные усищи,
Новехонький костюм сумел его облечь,
Как в клетку тесную, от пяток и до плеч,
Лишь бедра выделив абрисом живописным
(Недаром львом слывет он в мире закулисном).
Он, гордо шествуя, по комнате пронес
Тот запас мускуса, что ударяет в нос!
И наконец, с трудом переводя дыханье,
Как будто бы стыдясь такого опозданья,
Какой-то попрыгун в гостиную идет,
Как маленький аббат, румян и безбород,
Изящен и вертляв, порядком избалован,—
Ну, словом, весь как есть пришел из Буало он.

Когда все собрались, то перешли мы в зал,
И тут мой родственник, ликуя, мне сказал:

— Вот цвет католиков в сем мире благодатном,—
Сиди и слушай, что уста их возвестят нам!
Их мысли глубоки, божествен их глагол! —
Тем временем уж все успели сесть за стол,
И от руки к руке в обход пошла мадера.
Тут левый мой сосед, хлебнувши из фужера,
Спросил поэтика в другом конце стола:
— Ну как, друг Санназар, с поэмою дела?
Мы ждем от вас давно великих откровений,
А вы скрываете плод ваших вдохновений! —
В ответ на что кричит другой энтузиаст:
— А как «Характеры», любезный Теофраст?
Я первым очерком был упоен недавно,
Все это так легко, так мило и забавно.
Но это только лишь закуски образец,
Жаркое дайте нам отведать наконец! —
И тут же эти два мольеровских героя
Швыряться начали, как бы в разгаре боя,
Набором едких фраз и приторных похвал:
— Ах, как это умно! — Никто так не певал! —
Весь вечер говорить два друга так могли бы,
Когда б не принесли холодное из рыбы;
Тут речь их сделалась понятна и проста;
Они вскричали враз: — Какая красота! —
Один из них сказал: — Та рыба, что когда-то
На обсуждение великого сената
Одним из цезарей представлена была,
Наверно, не вкусней, чем эта камбала.
— То был Домициан — правитель превосходный,—
Промолвил дипломат с осанкой благородной,—
Он не терпел балов, а палачей любил!
— Позвольте, господа,— усач заговорил,
Ударив по столу своим ножом столовым,—
Не надо палачей клеймить недобрым словом!

Когда бы нас палач не охранял от бед,
Мы не смогли бы есть сегодняшний обед!
— О да,— сказали все,— Визит нанес вчера я
Маркизе Д., душа поистине святая,
И я ей вслух статью журнальную прочел
О муже благостном, чей дивен ореол!
Она восхищена была, она смутилась,
Такого в жизни ей слышать не доводилось.
— Тут странного,— сказал поэт,— нет ничего:
Тот автор был де Местр! — И на слова его,
Как в девственном лесу в ответ на лай собаки,
Родились отзвуки и повторились паки.
Так многократное «ура» де Местру в честь
Их мудрые уста спешили произнести!
— Нет, что за человек! Какая мысль и вера!
— Уж он бы разгромил проклятого Вольтера!
— Руссо и Монтескьё — они ли не умны —
Пред савояром сим мальчишки, шалуны! —
Кузен глядел на них все жарче, все любовней,
Светилися глаза его, как две жаровни,
Все время он сидел, словца не пророня,
И с гордостью смотрел великой на меня,
И видом всем своим вопрос задать старался:
«Ты в обществе таком когда-нибудь вращался?»
Достойно описать я слога не найду
Всю жареную и вареную еду,
Что подавали нам: три головы кабаньи,
Индюк с каштанами, котлеточки бараньи
И трюфли Перигор, а также соуса,
Явившие собой искусства чудеса.
Мазурки польские, и ромовые бабы,
И земляничный крем, все это лишь могла бы
Достойно описать фантазия Бершу,
Но я — я не таков, прощения прошу!

И наконец, десерт с шампанским первоклассным!
Тогда один мудрец, что все сидел безгласным,
Являя на лице уныние и грусть,
Вдруг проявил себя как пекий Златоуст.
— Позвольте,— так сказал он голосом учтивым.—
Мой скромный труд, друзья мои, преподнести вам.
В котором я пишу, что все должны страдать! —
Вскричали едоки: — Странанье — благодать!
Прекраснейший предмет! — Да, я могу признаться,
Что всесторонне в нем сумел я разобраться:
С любовью я смотрел всем плачущим в глаза,
Я точно взвешивал все *против* и все *за*,
И знаю — без тоски, которая нас гложет,
Движения вперед на свете быть не может!
Вы можете меня судить, но я стою
На том и правоту вам докажу свою!
— Судить? Наоборот! — все хором закричали.—
В странанье высший смысл! Ведь заступом печали
Взрывают пустыри неверия и зла,
Чтоб благодать на них господня возросла!
Горнило горести! Душа, что побыла там,
Достойна сделаться из чугуна булатом.
Когда бы не было странанья, боже мой,
Мы были бы зверьми иль сорною травой! —
Тут наступил момент молчанья; я решился
Ввернуть свое словцо и так к ним обратился:
— Зачем нам дал господь унынье и печаль,
Об этом истину узнаем мы едва ль,
Но все же мы ему должны быть благодарны
За то, что он дает нам этот сок янтарный,
Чтоб горе и тоску топили мы в вине! —
Так я сказал и ждал, что будут хлопать мне...
Куда там! Словно вихрь и адский пламень страшный
Промчались над столом на тост мой бесшабашный.

И вот все на меня глядят, оцепенев,
Смешав с презрением свой благородный гнев,
Я был для них гнусней змеи иль скорпиона,
Я был, боюсь сказать,— подобием шпиона,
Который в этот круг как родственник вошел,
Чтоб сеять в их среде сомненье и раскол!
Весь воздух налился грозой и ураганом,
Уж кто-то запустить хотел в меня стаканом,
Кузен мой чувствует, что и ему влетит,
И, опустив глаза, в тарелку он глядит...
Но слово критик взял с улыбкою летучей
И в шутку обратил прискорбный этот случай.
— Всевышний,— он сказал,— имеет много слуг,
И мы легко простим вам грех, мой юный друг!
Придет для вас пора, и вы в конечном счете
Кумиры юности разгульной разобьете,
А мы в своем кругу, мы выпьем поскорей,
Провозглашая тост за рыцаря скорбей,
За нежного певца тоски и пресыщенья,
Что скорбью нам дает повторное крещенье.
Ему хвала и честь! — И поднял он бокал,
Который блесками игристыми сверкал,
И залпом осушил — и все борцы за веру
Последовали вмиг блестящему примеру,
И огласился стол и звоном баккара,
И восклицаньями: «Да здравствует! Ура!»,
Среди которых мне в словесном хороводе
Услышать довелось высказыванья вроде:
— А лига все-таки, что ни тверди молва,
Нам пригодилась бы! Она была права!
Где инквизиция? Где вы, сыны Лойолы!

Я получил урок достаточно тяжелый,
И рад я был тому, что сам я уцелел,

И больше огорчать кузена не хотел.
Весь вечер остальной сидел я без движенья,
Набравши в рот воды, и слушал изверженья
Медоточивых слов, проклятий и божбы,
Что расточали их набитые зобы.
Сидел я и смотрел на славную семейку
И думал лишь о том, чтоб отыскать лазейку,
Какой-нибудь предлог, чтоб, не нарушив мир,
Покинуть наконец амфитрионов пир!
Я ждал, и наконец пришла минута эта:
Все общество встает согласно этикета
И дружно перейти в гостиную спешит,
Где завершение программы предстоит,
Как это принято, как требует декорум,
За черным кофеем и палевым ликером.
И тут я, шляпу взяв, дорогою прямой
Пустился наутек, скорей к себе домой!
И хохотал до слез на улице пустынной
Я над Сенеками из маленькой гостиной,
Которые не прочь строжайший кодекс свой
Залить фалернского кипучею струей.

ВЕЧЕР ДУХОВ

Читатель дорогой, то, что узнаешь ты,
Тебе покажется лишь вымыслом забавным,
Но Аполлоном я клянусь тебе державным,
Что не прибавил здесь я ни одной черты.

— Вниманье, господа! Мы в помещенье этом
Приступим к дивному общению с тем светом.—
И вот сгущается таинственная мгла,
Все приглашенные садятся вокруг стола,
И, выпучив глаза, все ждут и не дождутся,
Когда же наконец явления начнутся!
И председатель сам, наморщивши чело,
С простиертою рукой ждет... Наконец пошло —
И стол магический нам возвестил толчками,
Что духи налицо, — и стройными рядами
Светиться начали, явившись в наш салон,
Сенека, Жанна д'Арк, Плутарх и Фенелон!
Что скажешь — это ль не великие светила!
Быть может, никогда божественная сила

Не осеняла столь высокие умы!
Так усомнимся ль в их существование мы?
Но странно только то, что славные их души
В свои суждения влагают столько чуши
И что вещают их мудрейшие уста
Одни лишь глупости и общие места!
Но к этим пустякам собранье слишком глухо.
Они благодарят того, кто вызвал духа,
А тот, придя в азарт, юродивым глядит,
И вертится волчком, и чудеса творит,
Незримо для очей, неслышимо для слуха
Уже присутствие вы ощутили духа,
По вашим волосам нежнее ветерка
Уже скользит его холодная рука.
О, гость таинственный! О, выходец из гроба!
Тут председателю какая-то особа
С благоговением сказала, вся трясась:
— О, если б я могла почувствовать сейчас
Пожатие руки скончавшегося брата!
Пожалуйста! Ну, что вам стоит постараться!
— Помилуйте, заказ не труден мне ничуть!..
Извольте лишь под стол вы руку протянуть!
И столь желанное для вас прикосновение
Вы ощутите вмиг...— Особа в упоенье,
Священным ужасом и нежностью полна,
Ждет... В лампе гаснет свет, и в темноте она
Вдруг на руке своей скольжение ощутила
Другой, чужой руки, притом с заметной силой.
Она, охвачена волнением, в свой черед
Ему ответное пожатие дает
И от души в него всей пятерней вцепилась,
Но тут — увы и ах! — ошибка получилась:
В ее руке была не рука, а палец,
А просто нога мужская без чулка!

Тут кто-то закричал с отчаянным испугом,
Да так, что все, кто там сидели тесным кругом,
Вскочили с мест своих, не разобрав, в чем суть,
А дама ногу лишь успела оттолкнуть.
Тут дали свет, и все — от мала до велика —
Причину поняли отчаянного крика.
То председатель сам на кресле возлежал,
В изнеможении он трясся и дрожал,
Его опрыскали, в сознание пришел он,
Глазами всех обвел, предчувствий страшных полон,
Воскликнул, трепета и страха не тая:
— Где я? И что со мной? Я это иль не я?
— Но что случилось? Что...—

И тут же разобрался: —
Какой-то озорник меж нами затесался
И нечестивца дух, конечно, опознал
И так меня хватил, что я чуть не пропал,
Но все прошло... Ко мне дыханье возвратилось,
И я благодарю, что хуже не случилось.
В другой раз промахов не делайте, друзья,—
Теперь же с духами общаться нам нельзя —
Сеанс окончился! — И, вид приняв фатальный,
Он лыжи наострил и скрылся моментально.
А гости в свой черед уже спешат домой
И судят на ходу про случай роковой,—
Как, мол, произошло такое... Лишь бедняжка,
Которая всему виной, вздыхая тяжело,
В толк не возьмет никак:

— Я за руку брала,
А там, глядишь, нога! Престранные дела!

СОН ОБЫВАТЕЛЯ

Жена, подай скорей чернила и тетрадь!
Я должен на листе бумаги начертать
Ту грезу дивную о жизни несравненной
Для нашей Франции, а также для вселенной,
Что мне приснилася...

Сегодня поутру
На поле Марсовом, знамена на ветру,
Сыны отечества текли вперед без счета,
Летела конница, и двигалась пехота,
Галопом и гуськом, топча ногами грязь.
Сходясь и расходясь, и пятясь, и стремясь,
Сливая все цвета великолепной гаммы
И строясь то в каре, то в параллелограммы,
Ходили взад-вперед, как будто по струне,
И некий паладин, гарцуя на коне,
Нажимом лишь одним невидимой пружины
В движенье приводил их стройные дружины!
Картина славная, но это ерунда
В сравненье с тем, что я узрел потом, когда
Все лошади уже набегаться успели,

Покрылись пеною и крепко пропотели;
По мановению начальственной руки
Окончился парад и разошлись полки,
И все от низшего до высшего состава,
Мгновенно позабыв все трудности устава,
Спешат в столовую, где, с пылу горячи,
Их ждут прежирные казенные харчи!
Какое зрелище! И как тут не гордиться —
Мне, мне лишь одному такое диво снится!
Я думал про себя: «Последний идиот
Способен был бы ждать каких-то там свобод!
О вы, любители Фурье и Сен-Симона,
И все бунтовщики, трясущие знамена,
Вы, что в течение пятидесяти лет
Стараетесь людей спасти от разных бед
И разоряли их, стремясь обогатить их!
Я хоть не принимал участия в событиях
Подобных, но своим умом я все ж нашел
То слово мощное, что мир спасет от зол.
То слово — «армия»! Она одна пред всеми
От гибели спасет и нас, и наши семьи.
Без армии земля — воюющей грязи ком,
Вертящийся волчком в пространстве мировом.
Смеешься ты, жена! Как смеешь ты смеяться!
Ведь мне не выдумки бессмысленные снятся,
То не мечтания и не разгул идей,
А сон осмысленный о счастье всех людей!
Да, если Франция в восторг приводит души
Своим могуществом на море и на суше,
То это потому, что от низов она
До самых до верхов цен-тра-ли-зо-вана!
Да, армия сильна, оружием владея,
И в ней воплощена великая идея!
О Франция моя! О родина! О мать!

Какое счастье тебя отчизной звать
И на тебя взирать с восторгом умиленным,
Когда пример даешь ты стольким миллионам!
Так завершай свой путь, не ведая препон,
Властительница стран, раздатчица корон!
И пусть не задрожит нога твоя в походе!
Тебе промышленность несет дары, в природе
Тебе подвластно все — и суша, и вода,
И электричество, и пар, и провода,
Имеешь ты во всем помощников достойных,
Чья мысль летит быстрее снарядов дальнобойных!
И вот он, тот предел, к которому вели
Тебя правители твои и короли!
Ты станешь истинным военным поселением!
Так напрягись вдвойне, работай с вящим рвением,
И пусть завистники берут с тебя пример!
Настанет день, когда из самых высших сфер
Придется увидеть всевидящему богу,
Как шар земной идет с самим собою в ногу.
О, счастье! Я зрю грядущие года,
Тогда, мне кажется, и только лишь тогда,
Предстанет наконец порядок новый миру:
Все будут строиться по строгому ранжиру,
И целой нации правительством дано
Одно желание, стремление одно —
От шумных городов до малого селенья —
Всем будет дан закон и норма поведенья.
И как в любом полку регламент — ритуал,
Чтоб даром сил своих никто не расточал!
И станет каждому доподлинно известно,
Когда служить, когда бездельничать уместно,
Когда сидеть в дому, когда на воздух вон,
Когда еда, питье, когда блаженный сон
И, наконец, когда...

Ж е н а

Что ж ты не продолжаешь?

О б ы в а т е л ь

Мне трудно говорить, но ты ведь понимаешь...

Ж е н а

В чем дело?

О б ы в а т е л ь

Будет час... Мне стыдно!..

Ж е н а

Назови!

О б ы в а т е л ь

Осуществления супружеской любви!..

Ж е н а

Ну это, знаешь ли ты, слишком!

О б ы в а т е л ь

Почему же?

Ж е н а

Ведь это деспотизм!

О б ы в а т е л ь

Ничуть!

Ж е н а

И даже хуже!

Какая выдумка! Заставить всех людей!..

Обыватель

О, до чего же прав был древний Моисей:
«Зло через женщину на белый свет явилось!»
Что деспотизмом вы зовете, ваша милость,
Есть проявление законов естества!
Взгляните на зверей — они свои права
С порой весеннею цветенья согласуют!
Но с женщиной о сих предметах не толкуют,
Все это для нее и сложно и хитро!
Довольно! Дай скорей бумагу и перо!
Пусть человечество в грядущих поколениях
Узнает о моих великих откровеньях!

НАШИ ЩЕГОЛИ

Угодно ли взглянуть? Вот тот, кто с гордым видом,
Здравши нос, кричит: «С дороги прочь, эй, вы там!»
Нет, он совсем не франт Людовиковых дней,
Тот, что носил султан на шляпе на своей,
С двойной подошвою ботфорты откидные,
И плащ пурпуровый, и брыжи кружевные,
А меч из-под плаща как будто рвался в бой;
Нет, он не так шумлив, не так хорош собой.
Но раздражает он не меньше, сей задира
Из буржуазного сегодняшнего мира!
По моде он одет, та мода — вот она:
Поношенный сюртук альбефского сукна,
Сигара изо рта огромная свисает,
Он пальмовую трость меж пальцами вращает,
Перчаток желтых блеск и черный цвет носков —
И вот он, наш герой, портрет его таков!
Кто он? Откуда он? Скрывать нам не годится —
Своими предками не может он гордиться,
Какой-то лавочник иль заяц биржевой

Сыночка вырастил, и, малый с головой,
Он шляется весь день, трамбуя мостовые,
Ест жирно, смачно пьет, при нем друзья шальные,
И в дымных облаках, от ночи до утра,
Следят за хитрою раскладкой баккара!
Сумел он к имени приставить титул важный,
Который подтвержден формальностью бумажной;
Даны ль ему на то иль не даны права,
Над этим у него не сохнет голова!
Он есть — и в этом все! А с ним проникнуть можно,
Порхая и скользя, в тот свет ясновельможный
Отчаянных кутил, в тот мир, где жизнь легка
Менял, ростовщиков и принцев кошелька,
И толстых наживал, и женщин закулисных,—
Он к ним стремлений полн отнюдь не бескорыстных.
Угодно ли кому над ним похохотать?
Конечно, никому! Кто станет рисковать?
Он тут же позовет насмешника к барьеру!
Честь для него не то, что для других. К примеру,
Законы совести с достоинством блюсти,
Платить свои долги, жить мирно и в чести,—
Все это не по нем! Но в драку лезть бесстрашно
При ссоре уличной, при поводе пустяшном,
Будь трижды виноват, вины не признавать,
И черные бобы горошком называть —
Вот что его душе и дорого и мило.
Лишь грубая в восторг его приводит сила!
Как в школу чести, он в спортивный ходит зал,
Там получает он и ловкость и закал
И думает, что он достиг высокой цели,
Притянутый к суду по делу о дуэли!
Вот тут он выглядит ученым знатоком.
Судье покажет он, как действовать клинком,
Все выпады ему до тонкости известны,

Он мог бы при дворе преподавать чудесно!
Ведь сам учился он, пусть это знают все,
У славного Гризье, у грозного Гризье!
Он точно изучил страницу за страницей
Дуэльный кодекс, тот, в котором говорится
О многих способах, заведомая суть
Которых лишь одна: молодчика проткнуть!
На тех, кто не знаком с подобным сочиненьем,
Он с удивлением глядит и с возмущеньем
И адресует им презрительный укор.
Увидев, что сухой и скучный прокурор
Вдруг объявил себя врагом заклятым шпаги
И хочет обуздать размах его отваги,
Не в силах удержать свой справедливый зуд,
«Дуэль,— он вопиет,— ведь это божий суд!
Она ведь нашу честь блюдет настороженно,
Залог почтения и к старикам и к женам,
Она, как говорил какой-то там мудрец,
Являет в наши дни высокий образец
Морали истинной — и это ль не обида,
Что хочет упразднить обычай сей Фемида!»
Но нет, она всегда найдет у нас прием,
Покуда на земле французской мы живем!
Все это было бы лишь глупо и нелепо,
Когда б под сению кабацкого вертепа
Все эти рыцари мишеней и клинков
Не возбуждали бы восторга дураков!
Что тут поделаешь — их подлая порода
В любое общество войдет с любого входа,
Противоборствуя своим гнилым нутром
Тому, что кажется нам светом и добром!
А если, сочетав в одно перо и шпагу,
Он с упоением садится за бумагу,—
Обласкан музами, сей мерзостный бандит

Загромоздить подвал журнальный поровит.
И вот летит поток литературной грязи,
Чистейшего вранья, глупейших безобразий,
А если выдумки не хватит — не беда,
На личность перейти не поздно никогда!
И тут-то уж пойдет! Уж тут он возликует!
Во-первых, он своих собратьев измордует,
Он в них найдет сюжет для сплетен площадных,
А дальше он спешит весь яд зубов своих
Излить для шутовства, для пакостной забавы
На гордое чело любимцев нашей славы!
Но все ж на эту ложь, на весь набор клевет
Достойный иногда находится ответ.
Порою человек, исполненный отваги,
Не убоавшийся ни клеветы, ни шпаги,
В дуэльном кодексе не смысла ни черта,
Умеет осадить журнального шута!

Но, право, стоит ли возиться с этой скверной?
Довольно! Я хотел лишь показать примерно,
Что время молодцов с рисунков злых Калло
И из сатир Ренье несколько не прошло,
Что в наши дни живут и проявляют норы
Потомки славные наемных матаморов!

ЭПЛОГ

О муза, давшая Мольеру дар бесценный,
О ты, Аристофана мать,
Простишь ли, что с тебя посмел я маску снять
И на себя надеть рукою дерзновенной?

Чтобы шутить, острить, клеймить порок презренный
И чтобы наш народ лукавый чаровать,
Тут нужно разумом и рвением обладать
И нужен голос вдохновенный!

Дано ли это мне в удел?
Во след Горацию я доказать хотел,
Что лучше звонкий смех, чем праведные схемы!

А если не пришлось... Беда невелика —
Другая, более надежная рука
И маску пусть возьмет, и темы!

Гюстав Надо

1820•1893

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моим друзьям мои куплеты,
Они соавторы мои,
И эти песни все пропеты
Во славу дружеской семьи!
А если хоть в одном куплете
Найдется стих других слабей,
Я ни при чем, я не в ответе,
Прошу взыскать с моих друзей!

Я сам стараюсь в должной мере
Распределить везде свой смех,
Отметив глупость в каждой сфере —
Она повсюду и у всех.
Я бью по подлецу и трусу,
По лицемерам всех мастей,
А если смех мой не по вкусу —
Прошу взыскать с моих друзей!

У музы есть свои законы —
Простите острые слова,
Вы, снисходительные жены,
И ты, рогатая братва!
И если у иной плутовки
Под звуки песенки моей
Вдруг чепчик сам слетит с головки...
Прошу взыскать с моих друзей!

ИЗ БЕРАНЖЕ

Хороший тон мы, не стыдясь нимало,
Лишили места за своим столом.
Друзья! Мы будем пить! На дне бокала
Мотивы новых песен мы найдем!
Душистый пар идет от сковородки,
Стаканы нежно дребезжат уже —
Вино старо, и молоды красотки!
Друзья мои! Споем из Беранже!

.
Мы будем пить, и в дружеских беседах
Преданья встанут родины моей:
О нашей славе, о былых победах
И о величье незабвенных дней!
Ведь были дни, слыша песни слово,
Враг застывал на нашем рубеже.
Пусть эта песнь в сердцах забьется снова.
Друзья мои! Споем из Беранже!

Нет, эти дни не возвратятся миру,
Оплачь, солдат, позор великий наш!

Поэт, разбей умолкнувшую лиру,
Из этой скорби песнь ты не создашь!
Теперь, когда тевтонские отряды
У всех застав стоят настороже,—
Одна лишь песнь прорвется сквозь преграды.
Друзья мои! Споем из Беранже!

В его куплетах то, что сердцу мило!
В дни горькие печалей и невзгод
Они тепло нам придают и силу,
И увлекают, и ведут вперед!
А если что-либо в веселье нашем
Не по нутру педанту иль ханже —
Мы, как всегда, их песней ошарашим.
Друзья мои! Споем из Беранже!

ПОЧЕМУ Я ХОЛОСТЯК

Когда жениться мне придется,
Готов я к этому вполне,
Но только лишь с таким расчетом,
Чтоб все завидовали мне!
Я не родился неуклюжим,
Я не урод и не дурак,
Я быть намерен добрым мужем...
Вот почему я холостяк!

Ведь где-нибудь в тиши безвестной
Живет чудесный образец,
И я при выдержке известной
С ней повстречаюсь наконец.
Хочу, чтоб предо мной предстала
Мечта — и подала мне знак!..
Я дожидаюсь идеала!
Вот почему я холостяк!

Мне не нужна жена франтиха
И стриженных не надо кос.

Ни та, что ходит по портникам,
Ни та, что в книги прячет нос.
И не хочу, чтоб спозаранку
За самый маленький пустяк
Меня пилила гувернантка...
Вот почему я холостяк!

Всю жизнь от края и до края
Одно имею я в виду:
Чтоб уходить, когда желаю,
И приходить, когда приду!
Могу закрыть окно свободно,
А нет, так напушу сквозняк!
Мне быть самим собой угодно!
Вот почему я холостяк!

Признает пусть моя малютка,
Что мне присущи ум и честь,
Что я хороший, милый, чуткий
И что не поддаюсь на лесть!
Тогда во всем, что сердцу мило,
Не разойдемся мы никак —
И чтоб стихи мои хвалила...
Вот почему я холостяк!..

Затем, когда я стану делом,
То средь приятельской семьи
Хочу я выпить за обедом
За вас, ровесники мои!
Хочу под звон веселых кружек
Припомнить юности чердак,
Лихих друзей, шальных подружек!
Вот почему я холостяк!

Когда-то жертвою отравы
Пал царь понтийский Митридат!..
Я не хочу подобной славы,
Мне ни к чему смертельный яд!
Ведь после ссоры идиотской
В бульоне чувствуешь мышьяк!
Я не хочу давиться клещкой!
Вот почему я холостяк!

Затем — признаюсь между нами —
Так много на своем веку
Я сам смеялся над мужьями,
Что лучше буду начеку!
Рога не слишком беспокоят,
Их может скрыть ночной колпак...
Но быть смешным? Зачем? Не стоит!
Вот почему я холостяк!

ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Никто из нас упрек не бросит
Волне, стремящейся вперед!
Ведь если время дни уносит,
Оно и вечность нам дает!
В огне сегодня создается
Для предстоящих войн снаряд,—
Услышьте, вы, которым жить придется
Лет через пятьдесят!

Те, кто в чести и славе ныне,
Кто всем бросается в глаза,
Они не будут и в помине,
Их имена сотрет гроза,—
И лишь немногие светила
Перед напором устоят
И нам сиять с такой же будут силой
Лет через пятьдесят!

Прощай, писатель многотомный,
Создатель хрупких толстых книг,

Прощай и ты, романтик томный,
Что монумент себе воздвиг.
Но юноши враги рутины —
Они забыть не захотят
Смех Беранже и мудрость Ламартина
Лет через пятьдесят!

Скажи нам, дед, когда настанут
Такие дни и век такой,
Когда глумиться перестанут
Над добродетелью людской?
Когда все люди в мире целом
Свои сердца соединят?
Что ж, если бог займется этим делом, —
Лет через пятьдесят!

А в заключение, между нами,
Мы от тебя узнать должны,
Земля займется ль под ногами
У поджигателей войны?
Когда, когда в конечном счете
Их всех к ответу пригласят?
Прошу вас жить! А если доживете —
Лет через пятьдесят!

ЖЕНАТЫЙ ЧЕРТ

Однажды черту очертела
Обитель зла,
И он сказал: «Возьмусь за дело,
Пора пришла!
Я сам не знаю — почему-то
Хочу семьи, хочу уюта!»
Ой, Сатана!
Перехитрит тебя жена!

Он, не задумавшись ни крошки,
Решил вопрос.
И сам себе оттяпал рожки,
Копыта, хвост,
И адский огонь в глазах при этом
Сменился самым скромным светом —
О Сатана!
Перехитрит тебя жена!

Он стал богат, он вышел в бары,
Идет он в свет!

Желает он себе под пару
Найти предмет.
Пред ним девица с тонким станом,
Умна, милашка, и с приданым...
Но, Сатана!
Перехитрит тебя жена!

Он в церкви со своей Агнессой
Уже стоит.
Толпа, исполняясь интереса,
На них глядит...
Не знает милая Агнесса,
Какого подцепила беса —
Но, Сатана!
Перехитрит тебя жена!

И вот — он семьянин отныне,
Сбылась мечта!
Копыта нет уже в помине,
И нет хвоста!
Так он и жил бы, не печалась,
Но — рожки снова показались!
Ох, Сатана!
Перехитрит тебя жена!

ДВА ЖАНДАРМА

Порой вечерней в околотке
Жандармы ехали вдвоем.
Один из них был при селедке,
Нашивки были на другом.
Сказал начальник о погоде:
День чудный! Просто на заказ!
— Так точно, ваше благородье! —
Другой промолвил: — В самый раз!

На запад красный шар склонился,
Темнее даль, длиннее тень...
Начальник сердцем умилился
И молвил, провожая день:
— Лучом последним при уходе
Ты, солнце, озаряешь нас!..
— Так точно, ваше благородье! —
Другой заметил: — В самый раз!

— Работа наша вот такая —
Охрана отдыха и сна!

И я очей здесь не смыкаю
В то время как моя жена
В единственном примерно роде,
Наверно, там не спит сейчас...
— Так точно, ваше благородье! —
Другой добавил: — В самый раз!

— Я в жизни не любил разврата
И лицемерья не терпел,
Но все-таки одну когда-то
Возлюбленную я имел!
Что говорить — мужской породе
Порой необходим запас...
— Так точно, ваше благородье,—
Другой поддакнул: — В самый раз!

— И лавр и мирты в равной мере
Дают душе покой и мир.
Служил я Марсу и Венере
Как кавалер и бригадир.
И, как Язон в своем походе,
Готов я в путь хоть на Кавказ!
— Так точно, ваше благородье! —
Другой добавил: — В самый раз!

Иссякли темы разговора,
Огни погасли на селе...
Слегка позвякивали шпоры,
А бригадир дремал в седле.
Когда ж при солнечном восходе
Чихнул он, не раскрывши глаз,
— Так точно, ваше благородье! —
Другой промолвил: — В самый раз!

КОНЬ И ВСАДНИК

Поводья выпали из рук —
Несись, мой конь, мой верный друг,
 Скорее в чисто поле.
Твой повелитель сам не свой,
Скачи — куда, скакун лихой,
 Но все равно ли?

Она считала, что она
Уж завладела мной сполна,
 Что дух мой не воспрянет, —
Но нет, я сделался умней,
Отныне между мной и ней
 Мир целый встанет.

Вот так с тобой мы каждый день
Неслись стремглав, забыв про лень,
 Чтоб видеть дорогую.
Сегодня мы с тобой вдвоем
В другую сторону пойдём,
 Совсем в другую.

В ее глазах небесный свет,
А голос — в целом мире нет
Такого перелива,
Нежнее нету ничего!
И вот — такое божество
Так было лживо!

Я понял, как смешон я был.
Теперь признанья я сменил
На горькие проклятья.
Как глуп я был в своей мольбе,
Твердя, что жизнь свою тебе
Готов отдать я!

Она меня свела с ума
И хоть не любит, но сама
Меня еще ревнует.
В ней сердца нет, и потому
Нет сожаления к тому,
Кто так тоскует.

Скорее прочь! Там, у окна,
Меня, конечно, ждет она.
Сегодня — не дождется!
Я еду — мне ее не жаль,
Из глаз моих теперь едва ль
Слеза прольется!

Но что я вижу? Как понять?
Тот самый домик, и опять
Ту самую дорожку...
Хорош же конь, да и я сам...
Пришли, как будто по часам,
К ее окошку!..

ХРОМОЙ КОРОЛЬ

Король, какой, не все равно ли,
Был и разумен и удал,
Но на ногах имел мозоли
И потому слегка хромал.

И царедворцы, род лукавый,
Такой обычай завели;
Кто левою ногой, кто правой
Хромали дружно, как могли.

Обычай сделался законом,
Все подчинились — стар и мал,
В парламенте и в зале тронном.
Ведь двор хромал, хромал, хромал.

Но как-то на прием придворный
Барон гасконский удалой
Явился, стройный и проворный,
И стал, как тополь молодой.

Весь двор от хохота трясется,
Король же с пеною у рта
Сказал: «Откуда что берется!
Где, сударь, ваша хромота?»

«О мой король, я умоляю,
Не будьте так ко мне строги,
Всё дело в том, что я хромаю
Не на одну — на две ноги».

МОЕМУ ВНУКУ

Мой внук, когда тебе придется прочитать
 О нашем времени забавном,
В иные мелочи ты можешь не вникать,
 Но думай лишь о самом главном:

О том, что нам растлили души
Пустопорожные врази,
Они нам лезть вливали в уши
И к черной пропасти влекли;
О том, что все живые страсти
Им были попросту смешны,
Их опьяняла жажда власти
За счет ограбленной страны;

О том, что, меж собой условясь,
С улыбкой наглой на устах,
Они насильовали совесть
И культивировали страх;

Что в мире подкупа и гнили,
Средь этих гнусных прощелыг,
Мы не свидетелями были,
А попустителями их,

О том, что все имели долю,
Все, как один, в одной семье —
И император на престоле,
И депутаты на скамье;
И если к злодеяньям этим
Привыкнем мы в конце концов,
То отвечать придется детям
За поведенье их отцов!

Мой внук, когда тебе придется изучать
То, что считалось нашим срамом,
В иные мелочи ты можешь не вникать,
Но думай лишь об этом самом!

МИР И ТИШИНА

Настало время золотое —
Мы наконец живем в покое —
Господь послал нам мир и тишину.
Однако, дети, поглазейте,
Что там написано в газете:
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Солдаты нам не нужны боле —
Их ждет к себе родное поле, —
Господь послал нам мир и тишину!
Все это так, но, между прочим,
В дни мира мы клинки наточим —
Кто хочет мира, не забудь войну!

Противоречий нет в помине!
Все стали братьями отныне —
Господь послал нам мир и тишину.
От Балтики до Мартиники
Везде острят штыки и пики!
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Эй, оружейник, друг любезный,
Нам ваши ружья бесполезны —
Господь послал нам мир и тишину!
Конечно, ружья устарели,
Но есть новейшие модели —
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

О ты, ваятель наш умелый —
Из пушек статуй нам наделай —
Господь послал нам мир и тишину!
А тот в ответ: — Мы по амвонам
Ударим колокольным звоном —
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Казармы юных новобранцев!
Мы их используем для танцев!
Господь послал нам мир и тишину!
Они скорее, может статься,
Для лазаретов пригодятся!
Ты хочешь мира? Помни про войну!

Все офицерские портные
Займутся фраками впервые.
Господь послал нам мир и тишину!
Но в мастерских солдатской формы
Уже утроены все пормы!
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Ядро, и пуля, и граната —
Они исчезнут без возврата —
Господь послал нам мир и тишину!
Но сверхученые светила
Готовят бомбы страшной силы.
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Ландвер, пандуры, берсальеры
Нужны ли нам такие меры?
Господь послал нам мир и тишину!
Мы обеспечим всем народам
Защиту — но особым родом!!!
Ты хочешь мира? Не забудь войну!

Британцы, немцы и французы,
Вступайте в мирные союзы —
Господь послал нам мир и тишину!
Вот так, держа фитиль зажженный,
Мы пьем за мир *вооруженный* —
Ты хочешь мира? Помни про войну!

МЕНЕСТРЕЛЬ

С улыбкой легкой и веселой,
С гитарой звонкой за плечом
И с тонкоствольным посошком,
Минуя города и села,
Идет веселый менестрель
Весна цветет, звенит Апрель!
Вот он пред замком очутился,
Тот замок будто в землю врос;
Страж задаст ему вопрос:
«Эй, менестрель, ты с чем явился?
Какую ты имеешь цель?
Что ты несешь нам, менестрель?»
«Я знаю множество забавных
Баллад на всяческий распев
О красоте любезных дев
И о турнирах достославных,
Накройте стол, несите эль —
Все вам исполнит менестрель!»
«Нам эта песнь давно знакома,
Хотим мы слышать от певцов

Не славу дедов и отцов
А песню мести и разгрома!
Ее для нас пропеть тебе ль?»
Шагает дальше менестрель.
Другой дорогой он пустился,
Пришел в село — там бьют набат,
С дрекольем мѹжики стоят —
«Эй, менестрель, ты с чем явился?
Какую ты имеешь цель?
Что ты несешь нам, менестрель?»
«Мой голос чист и песни звонки,
Мелодий много есть таких,
Что хором все подтянут вмиг
И сами в пляс пойдут девчонки!
Накройте стол, поставьте эль —
Все вам исполнит менестрель».
«Нужны нам песни не такие,
Нам ни к чему твои слова!
Мы бьемся за свои права —
Ты спой нам песню Жакерии!»
Весна цветет, зовет Апрель,
Стоит в раздумье менестрель!

ШУТ

Добрый шут к смешному делу
Предназначен ты судьбой...
Длинный нос, худое тело,
Меж лопаток горб крутой!
Только выйдешь на подмостки,
За тобою вслед бегут
Песни, каламбуры, блестяшки...
Добрый, милый, верный шут!..

Мне не нравится порядок,
При котором я живу:
Разум нас привел в упадок,
Дайте место озорству!
Где наш смех? Увы, под спудом,
Где улыбки? Не цветут!
Ты один сберег их чудом,
Добрый, милый, верный шут!

Получая много денег,
Ты мужей почтенный круг

Сам высмеивать раденок,
Не пороча их супруг!
А твоя? Она достойна,
К ней соблазны не идут!
Можешь спать вполне спокойно,
Добрый, милый, верный шут!

Но когда ты с ней примерно
Вырастишь своих детей,
Ты не скажешь им, наверно,
О профессии своей?
Получив твое наследство,
Дети даже не поймут,
Как скопил ты эти средства,
Добрый, милый, верный шут!

Нелегко всю жизнь смеяться,
Но когда б заплакал ты,
Зрители от слез паяца
Надорвали б животы!
Нет, следа тоски на маске
Эти люди не найдут!
Отпусти им две гримаски,
Добрый, милый, верный шут!

Знаю я — твоя афиша
Обеспечивает сбор.
Ты об этом, сам я слышал,
Говоришь с давнишних пор.
Но, взглянув тебе в глаза, я
Понял, друг, они не лгут —
Ты старик! Вот шутка злая,
Добрый, милый, верный шут!

УЗЕЛОЧЕК НА ПЛАТКЕ

Наш король собрался спать,
Но пред тем как лечь в кровать,
На платке из тонких кружев
Узелок он обнаружил.

— Верный паж, ты здесь иль нет?
Посмотри и дай ответ:
Вот платок ажурных строчек,
На какой такой предмет
Завязал я узелочек?

Паж в ответ: — Должно быть, сир,
Вы хотели весь наш мир
Осчастливить благосклонным
Государственным законом!

— Добрый паж, в том спору нет,
Но какой-то там декрет...
Из параграфов и точек...
Не на этот же предмет
Завязал я узелочек!

— Иль вы вспомнили вчера,
Что неплохо б от двора
Отозвать легко и быстро
Вороватого министра?

— Честный паж, в том спору нет,
У него полны монет
Сотни сундуков и бочек...
Все же — на какой предмет
Завязал я узелочек?

— Иль король наш захотел,
Чтоб расширить свой удел,
В понедельник или в среду
Объявить войну соседу?

— Бравый паж, в том спору нет,
Заняется мой сосед —
Распоясался молодчик!..
Все же — на какой предмет
Завязал я узелочек?

— Может быть, король узнал,
Что оклад мой слишком мал,
И, ко мне питая жалость,
Захотел повысить малость?

— Хитрый паж, в том спору нет,
Я б повысил твой бюджет
На один-другой кружочек...
Все же — на какой предмет
Завязал я узелочек?..

— Или в мысли вам пришло,
Что приблизилось число
Обязательной расплаты
За кредиты от палаты?

— Щедрый паж, в том спору нет,
Но с наличьем новых смет
Я добьюсь еще отстрочек...

Не на этот же предмет
Завязал я узелочек!
— Или вас, быть может, вдруг
Поразил какой недуг
И придется вам лечиться
Или тайнам причаститься?
— Чуткий паж, в том спору нет,
Но мне рано на тот свет
В смысле сердца или почек!
Не на этот же предмет
Завязал я узелочек!
— Иль, быть может, вы учли,
Что для блага всей земли
Нужно к вашей большей славе
Дать наследника державе!
— Умный паж, в том спору нет,
Где моя жена Анетт?
Пусть спешит без проволочек!
Вот на этот на предмет
Завязал я узелочек!

ПОРУЧЕНИЕ

Ты едешь, друг мой, в те края,
Где все мне дорого и мило
Живет там милая моя,
Увы, она мне изменила!
Увы, она мне изменила!
Но если у окна в тиши
Она сидит, предавшись грусти,
Ты встретиться с ней не спеши,
Но если встретишься, допустим...

Но если встретишься, допустим,
И если в этой тишине
Она хотя б слово проронит,
Не говори ей обо мне,
Пусть она сама припомнит...

Пусть она сама припомнит
Те клятвы, что я ей твердил,
Объятый пламенной стихией!..

Скажи, что я, мол, разлюбил,
Но что забыл, не говори ей...

Что я забыл, не говори ей!
Слова! Что ей дадут они?
Она толкует их превратно.
Ты только еле намекни —
И сразу станет ей понятно.

Да, сразу станет ей понятно,
И пусть, да пусть, в твоих словах
Она моим словам внимает,
А видит пусть в твоих глазах
Ту боль, что сердце мне снедает...

Ту боль, что сердце мне снедает...
И если глаз ее слезой
Блеснет, ты виду не покажешь...
Иль нет — возьми меня с собой,
Я сам скажу — ты так не скажешь!

**Из разных
поэтов**

Деконт де Лиль

1818—1894

СОВРЕМЕННОКАМ

Вот так живете вы, без мысли, без мечты,
Иссохли, как земля в проклятый год голодный.
Наш век убийственный в вас выжег все черты
Стремлений творческих и страсти благородной.

Как вялы мускулы! Как черепа пусты!
Ваш мир, он заражен — презренный и негодный —
Сознаньем гибели, дыханьем пустоты
И обреченности тоскою безысходной.

И день придет, когда в унынье и тоске
Вы будете сидеть на золотом мешке,
И камни будете вы грызть до желчной рвоты,
И тьма небытия к себе вас привлечет,
И потеряете вы дня и ночи счет,
И околете, в руках зажав банкноты...

С ю л л и П р ю д о м

1889—1907

ИДЕАЛ

Спокойна ясная луна,
Светила бродят над землею,
Душа вселенною полна,
Я грежу дальнею звездою.

Ее не видим мы, но свет
Ее струится по столетьям,
И через много-много лет
Она предстанет нашим детям.

И в день, когда в красе своей
Она зажжется в час заката
Потомки пусть расскажут ей,
Как я любил ее когда-то!

ПРИВЫЧКА

Сначала гостем незнакомым
Она приходит в некий дом,
Потом овладевает домом,
Хозяйкой делается в нем.

Она простая, словно фетиш,
В любом сопутствует труде,
Ты не всегда ее заметишь,
Но след ее найдешь везде.

И если кто пойдет не в ногу,
Привычка — рядом, как всегда,—
Вернет на общую дорогу
И скажет веско:

— Вот сюда.

Ее работа — в четком строе,
Ее движенья ходят в лад,
Ее уста полны покоя,
В то время как глаза не спят.

Но горе тем, что высшим благом
Сочтет привычку для людей,
Старуха ветхим вялым шагом
Раздавит радость юных дней.

И те, кто ввергнуты в шаблоны,
Живого счастья лишены,
Их лица одушевлены,
А души неодушевлённы.

Франсуа Коппе

1842—1908

ПЕТЕФИ

Быть гордым гением, идти к победе ратной,
Рвануться к небесам — и умереть во рву.
Нет, не жалею я тебя, прекрасный брат мой,
И лучшей участи друзьям не назову!

Твой дух великий был растоптан темной силой.
Ты пал и в тот же миг в бессмертие вошел.
Я верю — над твоей безвестною могилой
Кустарник розовый пленительно расцвел!

Куст роз — а в нем твоя душа. Они не вянут.
И если юноша возлюбленной своей
Протянет с этого куста цветок, то станут
Его слова звончей, а поцелуй — нежней!

И если соловей пред вечером весенним,
Присев на этот куст, песнь заведет свою,
То трель его таким нальется вдохновеньем,
Какого не знаять другому соловью!

ГОДОВЩИНА

*(Стихи в честь восьмидесятилетия
Виктора Гюго)*

Вот дуб — он стар, но все ж в его ветвях могучих
Есть много теплых гнезд и шорохов певучих,
 Каких не слышно с давних дней.
И никогда еще порой цветущей лета
Никто не видывал столь буйного расцвета —
 Чем старше он, тем зеленей.

И вот орел — он стар, но никогда другому
Орлу не полететь быстрее навстречу грому
 Средь грозных молнийных огней.
И ни один орел могучих крыл размахом
Не возносился так над повседневным прахом...
 Чем старше он, тем он сильней!

Вот солнце — и оно старо. С теплом всегдашним
Льет жаркие лучи оно на наши пашни,
Живит цветы среди полей.

И так на всей земле в сем мире быстролетном
Улыбка божества живую жизнь дает нам...

Чем старше — тем оно добрей.

Таков и наш поэт — мы, праздником отметя
Великий день его восьмидесятилетия,

Зажжем сигнальные огни.

Не он ли в образах великолепно четких

Нам заявляет вслух:

— Мой век и я — погодки.

Мы вместе коротаем дни!

Природе вопреки божественная сила
Поэта юностью нетленной наградила.

В себе потомка он обрел —

И Разум царственный, который в небе реет,

Не зная тления, живет и не стареет,

Как солнце, древо иль орел.

И мы еще не раз, о старец вдохновенный,

Преклоним пред тобой дрожащие колена,

И в умиленных слезах

Мы в срок, положенный при годовщине новой,

Увидим и тебя, и твой венок лавровый

На вечно юных седицах!

Поль Верлен

1844—1896

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Музыка — вот что нужней всего нам!
Пиши стихи размером таким,
Чтоб легок был он и растяжим,
Чтоб был веселым он и весомым!

При выборе слов должна рука
Мешать понятное с непонятым,
Ничто не может быть столь занятым,
Как песнь, подвыпившая слегка.

Это истома жаркого лета,
И взгляд летучий из-под платка,
И луч, который сквозь облака
Еще не открытая шлет планета.

Не линия, нет, а только намек,
Только оттенок, который тает,
Который в единое сочетает
Мечту с мечтою, рог и смычок.

Злая пасмешка и разум точный,
Черные эти точки над і
Они так щиплют глаза мои,
От них исходит запах чесночный!

Реторике шею сверни — капут!
И точные рифмы раскрепости ты.
Они солидны, они маститы,
Тебя черт знает куда приведут.

И кто навязал нам эту затею?
Какой дикарь, какое дитя,
На строчки рифмы наворотя,
Способен был наслаждаться ею?

Музыку прежде всего зови!
И пусть твои стихи по аллее
Плывут, плывут, расплываясь и млея,
К другим небесам, к другой любви.

И пусть они оглашают окрестность,
Смешанные с утренним ветерком,
Пахнущие тмином и чабрецом...
Все остальное — только словесность.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР ГЮГО

1802 — 1885

Из книги «Искусство быть дедам»

1877

Изгнаннику не нужно ничего	7
Victor sed victus	9
«Порой я думаю о мире с омерзеньем...» . . .	11
«Она задумчиво в густой траве сидела...» . . .	13
Жанна спит	15
Песня над колыбелью	17
«На хлебе и воде сидела под замком...» . . .	19
Балованные дети	21

Из книги «Все струны лиры»

1888 — 1893

(посмертно)

Мещанин о Христе	24
Надпись	26

Пророк в пустыне	27
Талавера	29
Солдату, который стал лакеем	32
«Сколько неги и покоя!..»	34
«Уж воздух не пьянит, закат не так румян...»	37
Большому артисту	38
«Ваш удел — вдохновенье, собратья-поэты...»	40

А Л Ь Ф Р Е Д Д Е М Ю С С Е

1810 — 1857

Андалузка	45
Пепите	47
Г-же Менессье	49
К Нинон	50
Сонет г-же Менессье	53
Прощай, Сюзон!	54
Песенка	56
Сонет	57
Господину Ренье	58

О Г Ю С Т Б А Р Б Ъ Е

1805 — 1882

Из книги «Комические сатиры»

1865

Пролог	61
Старый способ разбогатеть	64
Монументомания	75
Правильная тактика	79
Обед с ангелами	81
Вечер духов	88
Сон обывателя	91

Наши щеголи	96
Эпизод	100

Г Ю С Т А В Н А Д О

1820 — 1893

Предисловие	103
Из Беранже	105
Почему я холостяк	107
Через пятьдесят лет	110
Женатый черт	112
Два жандарма	114
Конь и всадник	116
Хромой король	119
Моему внуку	121
Мир и тишина	123
Менестрель	126
Шут	128
Узелочек на платке	130
Поручение	133

ИЗ РАЗНЫХ ПОЭТОВ

Леконт де Лиль

1818—1894

Современникам	137
-------------------------	-----

Сюлли Прюдом

1839—1907

Идеал	138
Привычка	139

Франсуа Коппе

1842—1908

Петефи	141
Годовщина	142

Поль Верлен

1844—1896

Искусство поэзии	144
----------------------------	-----

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТЫ

Редактор *О. Лозовецкий*
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Ф. Артемьева
Корректор *Г. Лукьянова*

*

Сдано в набор 16/III 1966 г.
Подписано к печати 15/II 1967 г.
Бумага машинно-мелованная № 2,
70×108¹/₃₂. 4,75 печ. л., 6,65 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 4,184.
Тираж 50 000. Заказ № 260
Цена книги в обложке 15 коп.,
цена книги в переплете 30 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная. 19

Ордена Грудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28.